

ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА

ИЗБРАННИЦА
стража млы

Валерия Чернованова
Избранница стража мглы
Серия «Избранница
стража мглы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268174
Избранница стража мглы: Роман: Альфа-книга;

Аннотация

Выйти замуж, если тебе немного за двадцать, – небывалая удача. Выйти замуж за стража – удача вдвойне. Я, Александрин ле Фиенн, не искала такого счастья, но однажды счастье (сомнительное, как оказалось) само постучалось мне в дверь.

И вот теперь я невеста самого могущественного колдуна Вальхейма, покорителя демонов и женских сердец. В любовь которого я не верю, хоть сама влюбляюсь в него постепенно. Но это не помешает мне докопаться до истины и выяснить, зачем я понадобилась мессии стражу. Надеюсь только: истина эта не будет слишком пугающей и впереди нас ждет счастливый конец.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	74
Глава 7	82
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Валерия Чернованова

Избранница стража мглы

Пролог

Высокий темноволосый мужчина вошел в подземный зал, где в своих клетках, зачарованных зеркалах, томились тени. Узники Альнеи встретили его приглушенным шепотом, тихим смехом, невнятными мольбами. Приблизившись к одному из зеркал, страж коснулся позолоченной рамы и не отнял руки, пока по зеркальной глади не заструились, мерцая, колдовские символы, а на смену им из белесого марева проступили очертания женской фигуры. Когда туман рассеялся, взору стража явилась та, что уже давно жила в его мыслях, владела его сердцем.

– Никак соскучился по мне, милый? – Женщина потянулась, мягко, с кошачьей грацией, и прильнула к зеркальной глади. Провела ладонью по такой хрупкой на вид преграде и промурлыкала: – Мой любимый муж, маркиз де Шалон дю Ноайли, я тоже по вам скучала.

Страж молчал, неотрывно глядя на рыжеволосую красавицу. Сегодня она предстала перед ним во фривольном шелковом платье. Обнаженные плечи, узкий корсаж, подчеркивающий тонкую талию и пышную грудь, в ложбинке которой

поблескивал кулон из турмалина. Такой же зеленый, как и ее глаза.

Еще совсем недавно красоту Серен воспевали все трубадуры Вальхейма. Еще совсем недавно... она была жива.

– Не желаете меня освободить, сударь? – игриво повела плечиком кокетка. – Мне одной здесь так одиноко. Так тоскливо, – по-детски надула и без того пухлые губы. – Да и вам, судя по вашей постной физиономии, тоже живетесь несладко. Я бы с удовольствием скрасила ваше унылое существование. Только освободи, – посмотрела на стража с плохо скрываемым нетерпением. – Освободи меня, мой милый Моран.

Мужчина грустно усмехнулся.

Темная сущность его покойной жены. Прекрасная с виду и ужасающая внутри. Сколько раз Моран готов был поддаться искушению и уступить уговорам. Тени в зеркалах умели искушать, могли с легкостью затуманить разум.

Именно потому стражам запрещалось бывать в Альнее. А он, рискуя всем, уже не раз нарушал этот запрет. Лишь бы увидеть ее снова.

Обмануть себя хотя бы на несколько коротких минут.

– Я освобожу. Но не тебя. Ее, – тихо проронил он, любуясь женой.

Вернее, той, что была так на нее похожа.

– Ты еще безумнее своего отражения, страж! – расхохоталась первая красавица Вальхейма. – Безумнее всех нас!

Тени в зеркалах, будто соглашаясь с ней, возбужденно за-

шептались. Захихикали и заскреблись, со злостью и отчаянием царапая когтями зеркальную поверхность своих темниц.

Шелк платья постепенно истаивал, превращаясь в изумрудную дымку, не способную скрыть манящие изгибы столь желанного для стража тела.

– Цена такого колдовства может быть очень высока. Да ты и сам это знаешь. – Мгновение – и от наряда не осталось и следа. Девушка соблазнительно выгнулась, завела руки за спину, упиваясь своей властью над мужчиной.

Словно зачарованный, Моран шагнул ближе, желая ощутить тепло ее нежной кожи, пропустить сквозь пальцы медовые локоны жены.

Сознание заполнял вкрадчивый, едва различимый шепот: – Тебе не нужен никто, кроме меня. Освободи меня, любимый...

– Моран!

Страж встрепенулся, услышав за спиной громкий оклик, и спешно отдернул руку от зеркала, тотчас подернувшегося рябью. Ангельское личико девушки исказилось гримасой злобы и разочарования.

– Тебя не должно быть здесь. – Заметив, что с маркизом что-то не так, Касьен нахмурился и ускорил шаг. – Ты только зря себя изводишь. Она – не Серен. Зачем нарушаешь правила? Рано или поздно ее все равно придется отпустить.

– Сделал то, о чем я тебя просил? – проигнорировав уве-

щевания друга, мрачно проговорил Моран.

Страж бросил на пленницу последний взгляд. Из искусительницы в одно мгновение та превратилась в мегеру и теперь с отчаянием билась о магическую преграду, отделяющую ее от мира живых. Мужчина приложил ладонь к символу, мерцавшему на раме, и исходящее яростью отражение заволокло туманом.

– Сделал, – буркнул шевалье де Лален, не преминув заметить: – Хотя я в сводницы не нанимался. И вообще, почему тебя интересуют только кузины Серен? Жениться на родственнице покойной жены – это прямо извращение какое-то, тебе не кажется?

– Имена, – потребовал страж, не склонный сегодня к душевным беседам.

Недовольно покосившись на молочного брата, Касьен принялся перечислять потенциальных претенденток на титул маркизы де Шалон.

– ...И последние: Лоиз и Соланж ле Фиенн. У обеих довольно заурядные способности. К тому же бедны как церковные мыши. В общем, ничего особенного. Мадемуазель Анаис де ля Шор, как по мне, самая подходящая для тебя партия. Не красавица, как Серен, зато...

– Помнится, у барона ле Фиенн были еще дочери, – перебил друга Моран, перебирая в памяти лица и имена ближайших родственниц супруги.

Провожаемые несмолкающим перешептыванием теней,

мужчины вышли из зала и по узкому, едва освещенному коридору направились к лестнице, что вела из подземелья.

– Старшая, Маржери, уже год как замужем. А средняя... – Касьен замолчал. Вздыхнул печально и выразительно покачал головой.

– Что с ней не так? – усмехнулся де Шалон. – Хрома, слепа или, быть может, тоже толстуха, как мадемуазель Анаис, которую ты все пытаешься мне сосватать? – вспомнил-таки страж, кто такая эта де ля Шор, и тут же мысленно вычеркнул ее из списка невест.

– Хуже, – соорбил скорбную мину шевалье. – Александрин ле Фиенн – пустышка. В ней не проявилось ни капли родовой магии.

Немалых усилий стоило маркизу сдержать нахлынувшее на него чувство радости. Родственница Серен, да еще и не владеющая магией! На такую удачу он даже не смел надеяться.

– Невозможно, – ошарашенно прошептал де Шалон.

– Почему невозможно? – удивился Касьен, не догадывавшийся о мыслях друга. – Александрин – досадное недоразумение. Редкость, конечно, среди дворян, но все же... – Шевалье де Лален задумчиво потеревил клинышек своей жиденькой бородки – жест, свидетельствовавший о том, что он находится в раздумьях, – и глубокомысленно заключил: – Бедный барон ле Фиенн. Такое пятно на их славном семействе!

Моран толкнул тяжелую, окованную железом дверь и до-

вольно зажмурился, ослепленный ярким весенним солнцем.

– Чего это ты разулыбался? – окончательно сбитый с толку странным поведением друга, недоуменно пробормотал Касьен. Еще минуту назад маркиз хмурился, был мрачен и молчалив – обычное его состояние, а теперь, казалось, готов был прямо здесь, перед святилищем, сплясать ригодон.

– Рад переменам, друг мой. Скорым переменам в жизни, – с мечтательным видом проговорил Моран.

– Заинтересовала какая из девушек? – с облегчением спросил шевалье, радуясь, что время скорби по маркизе скоро закончится и де Шалон наконец выберется из своего траурного кокона. – Можно устроить бал и пригласить их всех. Познакомишься, присмотришься...

– В этом нет необходимости, – оборвал друга страж. – Я уже все решил. Моей избранницей станет – как ты сказал? – досадное недоразумение.

Заметив, что Касьен застопорился, огорошенный его словами, Моран обернулся и воскликнул весело:

– Ты что, здесь корни решил пустить? Поехали скорей! Хочу уже сегодня обрадовать барона и его пустышку-дочь.

Глава 1

– «...Пленившись красотой земного юноши, пресветлая Витала снизошла с небес, дабы забрать возлюбленного с собой в райские чертоги. Но сердцем молодого человека уже владела другая, и он отверг любовь Единой. Разгневавшись, богиня низринула его в бездну. Так появился первый демон мглы. Мира, которым и по сей день правит претемный Морт – бог смерти и кошмаров». – С трудом подавив зевок, я перелистнула страницу одного из наинуднейших талмудов, когда-либо созданных летописцами былых времен.

«Сказания о пресветлой Витале, Создательнице неба и земли, Повелительнице стихий и жизни» – гласило тиснение на выдавшем виды переплете. Некогда золотое, а теперь почти неразличимое.

Данный опус, а также подобные ему не менее скучные книженции денно и ночью штудировали в монастырях девицы из благородных семей. К счастью или нет, но ни я, ни Соланж с Лоиз в Сент-Луази не попали. Папа́ просто было нечем платить монахиням за наше с сестрами содержание. Тех крох, что оставались после уплаты королевского налога и сеньориальной ренты, едва хватало на жизнь. А наследство дедушки, покойного барона ле Фиенн, ушло на обучение сначала Флавьена в коллеже стихий, потом – после того как брата удалось пристроить в королевский флот, – Марже-

ри в монастыре.

Стремясь вложить в умы младших чад хотя бы толику знаний, родители решили, что было бы неплохо нам самим заняться своим образованием. Каждый вечер мы собирались в гостиной для чтения «мемуаров» Единой и прочих бесполезностей.

Разумеется, своим мнением о хранившихся в домашней библиотеке книгах я ни с кем не делилась, дабы не шокировать дерзким вольнодумством почтенное семейство. Мама во время наших занятий устраивалась в своем любимом плетеном кресле с не менее любимым рукоделием, папа усаживался поближе к очагу, не способному согреть после затянувшейся зимы просторное, пронизанное сыростью, дышащей из всех щелей, помещение. Даже гобелены, закрывавшие стены, не спасали от холодов. За долгие годы ткань истончилась, узоры на ней поблекли. Ветхие тканые полотна являлись немым напоминанием о том, каким великим был некогда род ле Фиенн и что от него осталось. Лишь клочок земли, отданной испольтцам, да старый особняк, полный призраков счастливого прошлого и изъеденной временем мебели.

Пока глава семейства коротал время у огня, сначала сосредоточенно набивая трубку табаком, потом испуская вонючие миазмы или задумчиво посасывая длинный черешневый чубук и при этом безнадежно вздыхая, мы с близняшками читали друг другу вслух. Сегодня была моя очередь.

С горем пополам преодолев первые три страницы о похождениях неугомонной богини, я уже отчаянно зевала. А Соланж так и вовсе клевала носом.

– Мамá, почему Единая не успевала менять любовников, а мы, ее дочери, всего один раз в жизни имеем право сходить замуж? – с таким скорбным видом произнесла Лоиз, что я не сдержала улыбки.

– Не переживай, ты и раза не сходишь! – хмыкнула Соланж, опередив уже готовую вознегодовать баронессу, и по-детски показала сестре язык.

После чего близняшки дружно повернули головы в мою сторону и надулись, точно бурундучки.

Я нервно захлопнула потрепанный томик. Разве моя вина, что в Вальхейме существует немало глупых традиций, уже давно изживших себя?! По одной из них младшие дочери не имеют права выходить замуж до тех пор, пока дом не покинут старшие. В нашем случае читай – никогда. Кому захочется породниться с пустышкой вроде меня? Да еще и из обедневшей, пусть и дворянской, семьи. А главное, двадцать четыре года – немного поздновато для начала семейной жизни. Я уже давно записала себя в старые девы и даже смирилась с тем, что навсегда останусь в родных пенатах. Значит, на то воля нашей не в меру ветреной и любвеобильной богини.

Но вот смириться с тем, что являюсь невольным препятствием на пути сестер к счастью (после замужества Маржери они словно с ума посходили и только и думают о том, как бы

поскорее выскочить замуж), не смогу никогда.

– Что за глупости, Лоиз, лезут тебе в голову! – запоздало возмутилась ее милость и, беря пример с близняшек, обиженно буравящих меня взглядами, тоже покосилась в мою сторону. Неодобрительно покачала головой.

Порой мне кажется, случись со мной какое несчастье – и сестры вздохнут с облегчением. Для них я досадная преграда, которую никак не получается преодолеть.

С каждым годом шансы пристроить меня в хорошие (или не очень) руки уменьшались. Уверена, мамá с радостью сбагрила бы меня первому встречному. Главное, чтобы у него имелся хоть какой-нибудь, даже самый завалящий титул и я не опозорила наше славное семейство еще больше.

Если такое вообще возможно.

И маменька, и сестры как-то быстро позабыли, зачем мы здесь собрались, и все свелось к злободневной теме: я – негодный товар на рынке невест.

– Если бы ты, Ксандра, не была такой ледышкой, сумела бы приворожить того милого шевалье из Тарта.

Под «милым шевалье» подразумевался плешивый мецье Бошан «слегка» за пятьдесят – дальний родственник маман, всю прошлую осень гостивший у нас в Луази. Сколько же мне пришлось выдержать похотливых взглядов и выслушать сомнительных комплиментов в свой адрес! А однажды чуть не спустила этого молодящегося павлина с лестницы, когда он попытался обслюнявить мне щеку поцелуем.

Не спустила лишь потому, что в тот момент из кабинета показался папá и взял на себя все хлопоты по выставлению наглеца из дома.

– Желаю тебе, дорогая Лоиз, встретить такого же *милого шевалье*, – не сдержавшись, огрызнулась я.

– Какая же ты все-таки эгоистка, Ксандра! – взвизгнула Соланж.

– Еще какая! – воинственно поддержала сестру Лоиз и с негодованием тряхнула рыжими кудряшками, обрамлявшими ее узкое, сейчас искривленное в гримасе обиды личико. – Маржери на твоём месте не стала бы воротить нос, а радовалась бы вниманию месье Бошана. А ты думаешь только о себе! Ну точно эгоистка! – захлебывалась возмущенно младшенькая.

В воздухе ощутимо запахло бурей. Оставаясь верным самому себе, его милость спешно поднялся. Пробормотав что-то невразумительное про срочные дела, о которых он запомнил и вдруг так удачно вспомнил, поспешил ретироваться. Однако не успел сделать и несколько шагов, как с улицы послышалась дробь лошадиных копыт по насыпной дорожке, ведущей к особняку.

– Кто бы это мог быть? – вскинулась Лоиз.

– Так поздно, – подхватила Соланж, и обе рванулись к окну, опередив баронессу лишь на долю секунды.

Переглянувшись, мы с отцом отправились встречать неожиданного гостя. Выйдя на крыльцо, я поплотнее закута-

лась в шаль, почувствовав, как мурашки побежали по коже. То ли от холода, то ли от вдруг охватившего волнения: всадник, стремительно приближавшийся к нам на вороном скакуне, вез с собой перемены.

– Надеюсь, хорошие, – чуть слышно прошептала я, глядя на вырисовывающуюся в сумерках фигуру в темном плаще, развеваемом холодным весенним ветром.

Спешившись, мужчина коротко приветствовал нас и изобразил быстрый поклон. После чего извлек из кожаной сумы, притороченной к седлу, письмо и протянул его барону. Заметила, как папá напрягся, принимая от гонца послание, скрепленное печатью и украшенное по углам вычурными вензелями. В сумерках инициалы было не рассмотреть.

Пальцы барона предательски дрогнули, и он поспешил прижать письмо к груди. Вежливо поблагодарил посланника, а тот, снова поклонившись, прыгнул в седло и был таков.

– Если это от сборщика налогов... – Голос отца дрожал не меньше, чем его рука пару мгновений назад.

– Тогда бы месье Флабер приехал сам лично, – мягко коснулась я родительского плеча и ободряюще улыбнулась. – Пойдемте в дом. Пока кое-кто не умер от любопытства.

Его милость чуть слышно хмыкнул, заметив прилипшие к окну любознательные мордашки близняшек и изнывающую от нетерпения баронессу. Степенно прошел в дом, все так же не спеша пересек гостиную, явно испытывая на прочность

нервы супруги. Опустившись в глубокое кресло с истертой до дыр обивкой – кажется, некогда это был глаzet, – папа надломил печать, развернул письмо и, поднеся листок к неровному пламени очага, принялся читать. Как назло, про себя.

Близняшки сгрудились у него за спиной, мама согнулась в три погибели, не желая ждать, когда супруг закончит чтение и передаст письмо ей. Я отошла в сторону, так как свободного места возле кресла уже не осталось.

Нáрочные к нам приезжали нечасто и зачастую с плохими известиями, поэтому родителям так не терпелось выяснить, что же стряслось на сей раз. Ну а младшенькие просто изнывали от скуки и пытались как могли разнообразить свой досуг.

Когда баронесса тоненько вскрикнула и пошатнулась, словно собиралась упасть в обморок, я зажмурилась, готовясь к худшему. Главное, чтобы с Флавьеном ничего не стряслось! И с Маржери и ее месячным младенцем никакое несчастье не приключилось.

Последовавшее за сим восклицание маменьки огорошило меня и на какое-то мгновение ввело в замешательство.

– Пресветлая Витала! Чудо чудесное! Александрин, девочка моя любимая! – А в следующий миг меня уже целовали и тискали в объятиях, чего, в принципе, никогда не случилось. Нет, конечно же случилось в далеком-предалеком детстве. Еще до обряда инициации, возвестившего всем, что во мне не проявилось ни капли силы.

– Папá? – Высвободившись из крепких материнских объятий, я растерянно посмотрела на отца, потом на близняшек.

Глаза у обеих сияли, щеки покраснелись, они пялились на меня так, будто видели впервые в жизни, и на губах у обеих играли глуповато-счастливые улыбки.

Отец же хмурился и то и дело бросал на послание, что до сих пор сжимал в руках, мрачные взгляды.

– Что случилось?

– Счастье-то какое! – взволнованно повторяла баронесса, меряя гостиную шагами. – Мессир де Шалон просит твоей руки, дорогая. Какое счастье...

– Что?! – Я чуть не подавилась собственным восклицанием и, позабыв о манерах, выхватила у отца мессирские каракули.

Впрочем, никакие это были не каракули, а красивые, с вычурными завитушками буквы, складывавшиеся в слова, а те в свою очередь – в абсурдные фразы.

Его светлость просил... Хотя какое там просил! Ставил перед фактом, что отныне я – его невеста и должна через неделю явиться в Валь-де-Манн, родовое имение стража.

– Ох, Ксандра, только не говори, что ты и ему откажешь! – всполошились сестры, заметив, что я не визжу от счастья и не подскакиваю, словно гуттаперчевый мячик, до потолка.

– Конечно же не откажет! Что за вздор вы несете? – устав наматывать круги по комнате, маман упала в кресло-качалку.

– Но почему я? – В горле пересохло от волнения и, кажется, страха.

Признаюсь, от мыслей обо всех этих стражах, потомках древних морров, некогда черпавших силу из мира мглы, меня брала оторопь.

Недаром же демоническое начало каждого стража заключают в зачарованном зеркале. Да, после такого обряда они слабеют, зато и риск меньше, что сила, унаследованная от предков – темных чародеев, со временем возьмет верх и сведет их с ума.

– Помню, помню, как он на тебя заглядывался на балу в Тюли, – причмокнула довольно баронесса и мечтательно зажмурилась, явно представляя, как в самом ближайшем будущем передаст меня из рук в руки его светлости и с чистой совестью вычеркнет проблемное чадо из своей жизни.

Младшенькие кивали в такт ее словам, словно два тианьских болванчика.

Я нахмурилась, перебирая в памяти немногочисленные выходы в свет, которые совершало наше дружное семейство. Бал в Тюли – родовом гнезде моей кузины Серен ле Круа де Шалон, стал одним из самых ярких моих воспоминаний. Такой роскоши я не видела никогда – ни до, ни после того сказочного вечера. Чувствовала себя серой мышкой по сравнению с разряженными в пух и прах гостями. Бархат, парча, алмазы – от окружавшего великолепия рябило в глазах. Но больше всего мне запомнилась встреча с хозяевами бала –

маркизом и маркизой де Шалон.

От красоты Серен хотелось зажмуриться. Она ослепляла, завораживала всех без исключения. Недаром ее прозвали Огненным Цветком Вальхейма. Ее длинные густые волосы в бликах свечей действительно напоминали пламя, дикое, непокорное, как и их обладательница. Огонь горел и в ее колдовских зеленых очах. Супруг кузины был ей под стать. Статный красавец-страж. Жгучий брюнет с пронзительными черными глазами. И если в глазах жены маркиза можно было запросто утонуть, раствориться, то от его взгляда разило холодом и высокомерием.

Когда кузина трагически погибла, о ней скорбело все королевство. И вот по какой-то необъяснимой причине мне предстояло занять ее место, выйти замуж за этого напыщенного вдовца.

Мама́ утверждает, что чародей заприметил меня еще на празднике. Глупость, конечно. Помню, как мессир скользнул по мне и сестрам мимолетным, ничего не выражающим взглядом, проходя мимо под ручку со своей распрекрасной женой. Которую, говорят, любил до умопомрачения и становится заменой которой мне совершенно не хотелось.

Зачем? Чтобы всю оставшуюся жизнь терпеть насмешки его приближенных и постоянно проигрывать ей в нелепом сравнении? Кто я и кто Серен! Могущественная чародейка – и никому не нужная пустышка.

Хотя нет, теперь уже нужная. Вот только непонятно зачем.

Похоже, отца посетили такие же мысли. Широкий лоб его избородили глубокие складки – признак того, что его милость мрачен и задумчив и ничего хорошего не ждет от этого подарка судьбы.

Зато баронесса прямо светилась от счастья и сестры с ней за компанию.

– Мама́, а можно мы тоже поедem в Валь-де-Манн? – неожиданно спросила Соланж. Опустившись на колени возле кресла-качалки, взяла родительницу за руку и, умильно хлопая ресницами, заканючила: – Ну, пожалуйста... Вдруг мессир де Шалон окажется столь любезен, что позаботится и о нашей судьбе? У него ведь такие связи!

– Ах, я тоже хочу замуж за стража! – восторженно захлопала в ладоши Лоиз, придя в самый настоящий экстаз от идеи сестры.

А у меня от их бесконечной трескотни заломило в висках.

– Какая же ты у меня умненькая-разумненькая, – потрепала по щеке младшую дочь баронесса. – Решено! Поедем все вместе. Что скажете, ваша милость? – и так зыркнула на отца, что у того язык не повернулся ответить «нет».

Впрочем, как и всегда.

В который раз пробежавшись взглядом по коротенькому посланию, до боли закусила губу. В чувства мессира к совершенно незнакомой девушке я не верила. Род ле Фиенн не был настолько знатен, чтобы породниться с маркизом, приближенным короля. Уже молчу о бедственном положении

нашей семьи и своей ущербности.

А значит, нужно не торопиться давать согласие, как-то потянуть время и выяснить, зачем я понадобилась чародею.

Надеюсь только, что в процессе выяснения сестры не разделяются со мной по-тихому.

Глава 2

Пять дней в тесной скрипучей карете, вместе с родителями и вечно ссорящимися сестрами – то еще испытание. Даже созерцание зеленеющих роц и нескончаемых виноградников, залитых ярким, но по-прежнему скупно греющим солнцем, не способно было отвлечь меня от этих ни на секунду не смолкающих трещоток.

С виду и не скажешь, что в прошлом месяце им исполнилось восемнадцать. Ведут себя как дети малые, грызутся по малейшему поводу.

Несмотря на то что у сестер одна внешность на двоих, характеры совершенно разные. Лоиз – копия маменьки, такая же вспыльчивая и, чего уж греха таить, вздорная. Их обеих хлебом не корми, дай кого-нибудь покритиковать или с кем-нибудь полаяться.

Соланж, в отличие от сестры, более уравновешенная. И этим она обязана отцу, магу земли. Земные колдуны в большинстве своем спокойные, даже в некоторой степени апатичные, предпочитают избегать конфликтов. Вот и Соланж чаще всего идет на поводу у командирши-сестры, но иногда в ней просыпается материнская кровь, и тогда спайся, кто может.

Я в их ссорах, понятное дело, участия не принимаю, но куда деться, когда эти малолетние склочницы сидят напро-

тив? Разве что сигануть в придорожные кусты из несущегося во весь опор экипажа, со свистом рассекающего утренний пьянящий воздух. Или перебраться к фореитору. Вот только, боюсь, его светлость будет несказанно удивлен, увидав свою невесту в роли кучера.

По словам отца, до усадьбы Валь-де-Манн оставалось меньше двух лье, а это значило, что уже совсем скоро я предстану пред ясные очи своего суженого.

Наверное, сестры потому и нервничали и пытались с помощью перебранки скрыть волнение, ведь наше путешествие (хвала Единой!) наконец подходило к концу. Я тоже не находила себе места. От беспокойства и «предвкушения» встречи с будущим мужем.

Как он нас примет? Не разгневется ли, что явились всем скопом? Соблаговолит ли объяснить, почему именно я удостоилась чести стать его избранницей?

С одной стороны, я была рада получить предложение руки и сердца и наконец перестать быть обузой для семьи. Тем более что предложение это (вернее, плохо завуалированный приказ) поступило от молодого красавца-стража. Сколько мессире стукнуло? Тридцать три? Не такая уж большая между нами разница. Не то что с месье Бошаном, от одной лишь мысли о котором начинало тошнить.

С другой стороны... Не покидало ощущение тревоги, змеей вползшей в сердце в ту самую минуту, когда прочла письмо. Сколько ни пыталась понять, чем руководствовался мар-

киз, избирая меня в спутницы жизни, так и не смогла.

Может, погадал на кофейной гуще?

Вот пусть сегодня же меня и просветит. Утолит девичье любопытство, а заодно развеет сомнения. Потому как на сердце кошки скребут.

Чем ближе становилась судьбоносная встреча, тем сильнее я волновалась. Даже тихие переругивания близняшек больше не донимали. В нервном напряжении я искусала себе все губы. Не переставая мяла ленты плаща, глядя на проплывавшие за окном идиллические пейзажи, и каждой клеточкой своего тела ощущала пристальный взгляд матери.

Небось тоже задается вопросом, на кой демон я сдалась стражу.

Отец дремал, пристроив руки на объемистом животе, и громко храпел, отчего его пышные усы забавно шевелились. Проспал и каштановые рощи, мимо которых мы проезжали, и поля с зелеными шапками еще не зацветшей лаванды. Наверное, летом здесь потрясающе красиво. Не то что в нашем вечно сумрачном, дождливом Луази.

Его милость проснулся, громко всхрапнув, только когда карета остановилась. Близняшки захлопнули рты, маман резко выпрямилась, точно спицу проглотила, и вытянула шею, желая разглядеть и оценить будущие владения своей теперь уже обожаемой доченьки.

За изящными коваными воротами начиналась усадьба моего вроде как жениха. Широкая аллея ввела к белокамен-

ному дворцу, прекрасному, точно из сказки, что в детстве читала нам наша кормилица Клодетт. Фасад, будто сотканный из облаков, таким он казался воздушным, с обеих сторон обрамляли ажурные башенки с темными глазами бойниц, носивших скорее декоративный характер, нежели предназначенных для защиты этой волшебной крепости. Острые шпили, золотом отливавшие в лучах солнца, пронзали лазурное небо. пышная лепнина окаймляла окна и маленькие балкончики, а лестницы, напоминавшие две половинки идеального круга, разделенного пополам, убегали к парадному входу.

У дверей толпилась прислуга (не удивлюсь, если здесь к каждой комнате приставлено по служанке), а перед челядью, словно главнокомандующий армией, вышагивал нарядно одетый молодой человек.

Заметив, что я прибыла со своей собственной «свитой», месть удивленно дернул бровями, но тут же взял себя в руки и изобразил жизнерадостную улыбку. В два шага преодолев разделявшее нас расстояние, сдернул с русой, собранной в хвост шевелюры широкополую шляпу, галантно раскланялся, коснувшись земли синим перышком своего вычурного головного убора, и назваля:

– Шевалье Касьен де Лален, к вашим услугам, сударыни. Ваша милость, – отдельно поклонился моему отцу и коснулся губами заблаговременно протянутой для поцелуя руки маменьки. После чего обратился ко мне: – Мадемуазель

ле Фиенн, счастлив познакомиться с вами. Надеюсь, путешествие не сильно вас утомило? – Не дожидаясь ответа, наверное, вопрос был риторическим, затараторил дальше: – Все уже готово к празднованию вашей помолвки. Гости начнут съезжаться ближе к вечеру, поэтому у вас и... – покосился на моих пребывавших в благоговейном экстазе родственниц (нечасто им доводилось лицезреть молодого, да еще и симпатичного дворянина) – ...и у ваших родных будет достаточно времени, чтобы отдохнуть перед балом.

«Все это, конечно, замечательно, но где же мой демонов (то есть с демоническим началом) жених?» – мысленно проворчала я, а вслух, тоже расплывшись в лучезарной улыбке, произнесла:

– Благодарю вас, месье де Лален. А скажите, разве его светлость не выйдет нас поприветствовать?

Месье перестал скалить зубы в гримасе фальшивой радости и проговорил с таким скорбным видом, словно у него намедни скончался кто-то из родни:

– По приказу его величества маркиз был вынужден срочно отбыть в столицу. Просил передать свои сожаления по этому поводу и обещал вернуться завтра ближе к вечеру. Самое позднее через два дня.

– То есть уже после нашей помолвки? – зачем-то уточнила я, краем глаза отмечая, что отец посерел, а маменька, до сих пор сиявшая, как второсортный алмаз, заметно скисла.

Шевалье развел руками, мол, хоть он и маг – судя по яр-

ко-голубому, насыщенному цвету глаз, водной стихии, – но предъявить мне сию же минуту суженого не в его власти.

– Сейчас же прикажу, чтобы приготовили комнаты для ваших очаровательных дочерей, – расшаркался перед бароном де Лален, умудрившись при этом наградить комплиментом близняшек, наверняка уже не помнящих себя от счастья, и предложил лично показать нам дворец, а позже, если пожелаем, и парк с прудом.

Ступенька, другая... Я шла, не чуя своих ног, представляя, как уже этим вечером буду принимать поздравления от чужих, незнакомых людей, в совершенно чужом мне доме.

Одна, без инициатора сего безумства, в чьей поддержке я сейчас так нуждалась.

– Хороша-а-а, – похвалила выбор маркиза ведьма. Довольно причмокнула тонкими бескровными губами и покосилась на отражавшуюся в зеркальной глади красавицу, после чего вновь перевела взгляд на мага. – Только смотри не влюбись в нее, страж. Не отступи в последнюю минуту.

– Не отступлю, – прозвучал тихий, но твердый ответ.

Мужчина стоял, заложив руки за спину, и неотрывно смотрел на отражение той, которой вскоре должен был владеть безраздельно. Подернутое дымкой, словно тончайшей вуалью, зеркало тем не менее было не способно скрыть наготу его избранницы. Вот она вышла из бассейна, выложенного мозаикой кораллового цвета, мягко потянулась, сплетая

за головой пальцы, тряхнула длинными, цвета безлунной ночи волосами, так контрастировавшими с ее матовой, точно фарфоровой, кожей.

Пусть богиня и не наделила Александрин магией, зато красоты отсыпала щедро.

Как и Серен.

Придется привыкать к новому лицу. Новому телу.

Такому ладному, соблазнительному... но совершенно ему чужому.

Девушка ле Фиенн была выше его покойной жены. Пышногрудая, с тонкой талией. С длинными прямыми волосами, целомудренно прикрывавшими упругие ягодицы, но не способными скрыть остальные прелести ее молодого, еще не знавшего мужской ласки тела.

– Думаешь, выдержит?

Не догадываясь, что за ней подсматривают, девушка не спешила облачаться в домашнее платье. Прохаживалась по просторной комнате, в центре которой поблескивал лазурью бассейн, а по углам в высоких канделябрах пламенели свечи. В их приглушенном мерцании капли воды, соблазнительно стекавшие по молочной коже его избранницы, казались расплавленным золотом. Манили, притягивали взгляд.

Александрин с любопытством рассматривала многочисленные разноцветные вазочки и хрустальные сосуды, наполненные солями и ароматными маслами. А Моран тем временем с таким же интересом, с каким его невеста изучала свои

новые покои, изучал ее.

– Должна выдержать, – беспечно отозвалась старуха. – Она молода, здорова. Почему нет? В крайнем случае женишься в третий раз, – противно захихикала ведьма, довольная собственной шуткой.

Но на лице стража не отразилось и тени улыбки.

– Принес то, о чем я тебя просила? – деловито осведомилась колдунья, тщетно пытаясь вырвать гостя из мира грез.

Моран нехотя отвел взгляд от зачарованной глади зеркала. И то лишь потому, что девица ле Фиенн вдруг вспомнила, что прогуливается по купальне голой, и поспешила накинуть на плечи легкое струящееся одеяние – один из многочисленных подарков жениха к их грядущей свадьбе.

Теперь рассматривать Александрин было уже неинтересно.

Только сейчас де Шалон вдруг осознал, насколько соскучился по женскому телу. Чувственным поцелуям. Мгновениям страсти. Редкие встречи с Опаль были не в счет. Близость с ней не доставляла радости, не приносила эмоциональной разрядки, не притупляла боль.

Сделав себе пометку в памяти – по приезде в Валь-де-Манн переговорить с любовницей и удалить ее из своей жизни раз и навсегда, – маркиз положил на колченогий стол завернутый в батистовый платок локон жены. Рядом лег кулон из турмалина в изящной золотой оправе.

– Это все?

– Пока да. – Ведьма развернула платок, поднесла локон к огарку сальной свечи, и потускневшая прядь, словно напитавшись пламенем, засверкала.

Время и запретные чары не пощадили старуху Берзэ. Высохшая, словно мумия, сгорбленная, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, и уродливыми крючковатыми пальцами, она напоминала злую ведьму из детских сказок. Впрочем, таковой она и являлась – темной чародейкой, не гнушавшейся любой магии и бравшейся даже за самые грязные дела.

Прознай прислужники Единой, где обитает Берзэ, с радостью сожгли бы ее лачугу вместе с богоотступницей. Или чего похуже выдумали бы. На счастье старой колдуньи, у нее имелось немало могущественных покровителей. Поговаривали, что даже сама королева, долгие годы тщетно пытавшаяся зачать, не брезговала обращаться к Берзэ за помощью. Тайные свидания с ведьмой приносили свои плоды: ее величество уже третий раз была на сносях.

Правда, королевский первенец бесследно исчез сразу же после своего рождения, и монарх даже не пытался его отыскать.

Бросив в глубокую глиняную посудину локон, кулон маркизы и нечто, очень похожее на высушенные лягушачьи лапки, Берзэ окропила подношения стража кровью (Моран предпочел не интересоваться, чьей именно), зачем-то от души плюнула в миску и, поднеся ее к бесцветным губам, при-

нялась шептать слова заклинания.

Мгновения складывались в минуты напряженного ожидания. Вот над сосудом всколыхнулся дым, чтобы уже в следующую секунду бесследно рассеяться.

– Теперь наберись терпения и жди, – протянула стражу кулон ведьма. Камень померк, из ярко-изумрудного превратившись в темно-багровый, напитанный чарами и жертвенной кровью. – Девчонка должна созреть для ритуала. Сейчас, погоди... – Старуха прошаркала в дальний угол комнаты, утопавший во тьме, которую не в силах было рассеять пламя одинокой свечи, и принялась звенеть какими-то склянками.

– Что значит созреть? – нахмурился де Шалон.

– То и значит, – донесся до него глухой дребезжащий голос. – Хорошо бы ей в тебя влюбиться. Да и ты не вздумай отбрыкиваться от ее ласк. Чем сильнее будет ее к тебе чувство, тем проще будет осуществить задуманное, страж. Пусть носит кулон не снимая. А это, – вернулась к гостю чародейка и сунула ему в руку небольшой пузырек, наполненный чернильного цвета жидкостью, – чтобы не тратили время на притирания. Велишь служанке добавлять ей по капле в еду. И тогда она сама будет искать твоего внимания. Ни о чем, кроме близости с тобой, не сможет думать.

Моран безропотно принял совет и зелье, хоть и считал, что в приворотном пойле нет нужды. Девчонка наверняка и так без ума от счастья и с радостью упадет, как созревшая груша, в его объятия в первую брачную ночь.

А он... Что ж, бегать от будущей женушки точно не станет. Пойдет на все, даже на близость с пустышкой.

Лишь бы получить то, о чем так долго мечтал.

Глава 3

– Это мое ожерелье!

– Нет, мамá разрешила надеть его *мне!* Отдай! Сейчас же отдай! – истерически взвизгнула Лоиз и для пущего эффекта топнула ногой. Потянула к себе несчастное украшение, которое вот-вот готово было рассыпаться аметистовыми горошинами по ковру.

Ожерелье это досталось нам от бабушки. Вернее, покойная баронесса завещала его Маржери, но сестре пришлось пожертвовать фамильной ценностью, так сказать, отделаться малой кровью. Иначе бы близняшки ее живьем съели.

– Да полно вам! – всплеснула руками нарисовавшаяся на пороге маменька. – Не дай Единая, еще испортите.

Увы, малолетние склочницы сейчас не слышали никого, кроме себя, ни одна не хотела уступить столь желанный трофей.

– Оно больше подходит к моим глазам! – решила на сей раз проявить твердость Соланж. Правда, аргумент, как по мне, привела так себе. Глаза-то у них одинаковые, светло-карие с золотыми крапинками, и, уж если на то пошло, сестрам больше бы подошли сережки и бусы из янтаря, которые я нашла в одном из многочисленных ларчиков, щедро пожалованных мне маркизом.

Хвастаться перед сестрами подарками от будущего мужа

благоразумно не стала. Иначе точно бы передрались. Да и я пока считала себя не вправе распоряжаться всеми этими богатствами. Мало ли как все сложится.

Вот если бы его непонятная светлость был здесь и соизволил унять мое любопытство, быть может, я бы и успокоилась.

Тяжко вздохнула. Ответ на мои вопросы – роскошь, на которую, по-видимому, я пока не могла рассчитывать.

Близняшки тем временем продолжали спорить. Почему-то поем боя они выбрали именно мою спальню. Спасибо хоть дали возможность спокойно искупаться и осмотреться.

Интересно, эти покои раньше принадлежали Серен? Чудесная купальня, в которой я едва не потеряла счет времени, небольшая гостиная в мрачно-пурпурных тонах и так контрастировавшая с ней светлая спальня с невероятно широкой кроватью, изголовье которой пряталось в алькове. Тяжелый полог отливало золотом, скрывая от любопытных глаз поистине королевское ложе.

Наверное, одной на таком будет одиноко спать...

До боли закусив губу, отругала себя за непозволительные для воспитанной девицы мысли. Картина, на короткий миг мелькнувшая перед глазами, сулила что угодно, только не одиночество. В последнее время образ мессира стража, которого видела лишь однажды и который почему-то прочно поселился в моей памяти, будоражил, заставлял сердце учащенно биться, странным томлением наполнял каждую клеточку моего неискушенного в ласках тела.

И самовнушение, что замуж за напыщенного вдовца мне совсем не хочется и делаю я это только по доброте душевной, ради сестер, больше не помогало.

– Угомонитесь! Обе! – в кои-то веки прикрикнула на своих любимиц баронесса, спугнув взявшие в осаду мой разум видения, и отобрала-таки чудом уцелевшее ожерелье. – Не у вас же сегодня помолвка. Оно идеально подойдет к бальному платью Александрин. Я его уже видела. Чудесный наряд!

Близняшки надулись, словно бурундучки, недобро покосилились в мою сторону и завистливо завздохали, рисуя в воображении чужое платье.

Вскоре явилась служанка с тем самым чудесным нарядом.

Баронесса не солгала, ожерелье вписывалось в образ невесты идеально. Верхнее распашное платье оказалось насыщенного сиреневого цвета, навеявшего воспоминания о лавандовых, оттененных закатным солнцем, полях. Эх, жаль, что сейчас не лето... Расшитая золотом ткань мягко переливалась в лучах неяркого солнца, проникавшего в спальню сквозь высокие стрельчатые окна. Тончайшая паутинка кружев украшала лиф, пышными волнами обрамляла рукава, удачно сочетаясь цветом с фрепоном – нижним платьем, богато расшитым по подолу.

Отпустив служанку, ее милость лично помогла мне собраться, после чего под обиженное сопение близняшек, тоже жаждущих материнского участия, занялась моей прической. Расчесала волосы на прямой пробор, пышно взбила над вис-

ками. Скрепила тяжелые локоны изящной заколкой, оставив несколько завитков свободно струиться по спине и плечам.

– Жаль, что его светлость так неожиданно вызвали в Навенну, – удовлетворенно осматривая результаты своих стараний, сказала баронесса. – Он бы дара речи лишился, увидев тебя.

Я грустно улыбнулась. Вечер обещал быть... странным. Прежде мне не доводилось слышать о помолвке без жениха, тем более на ней присутствовать. Да еще и в качестве невесты.

Долго отбивалась от попыток маменьки посадить мне над губой пикантную черную мушку. Видите ли, нынче модно цеплять их куда ни попадя, и я просто обязана идти в ногу со временем. Больше всего ее милость опасалась, что нас примут за невежественных провинциалок.

Как будто не понимала, что, с мушками или без, для здешней знати мы – никто. Не ровня маркизу и его окружению.

Мама́ уже почти выиграла сражение, и младшенькие ей в этом старательно помогали, когда, на мое счастье, явился отец. Велел супруге и близняшкам скорей идти прихорашиваться, потому как гости уже начали съезжаться. А сам, наградив меня теплой улыбкой и отпустив комплимент, отправился на бокальчик вина к шевалье де Лалену.

И снова я осталась одна.

К сожалению, ненадолго. Вскоре вернулись принаряженные Соланж и Лоиз и потащили меня к слетевшимся на пир

стервятникам... извиняюсь, гостям, изнывавшим от желания лицезреть избранницу господина стража.

В последний раз поймав в зеркале свое отражение, тревогу, застывшую в голубых глазах, отправилась вниз. Преодолевая ступени устланной ковром лестницы, ведущей в просторный холл, вслушивалась в доносившиеся из бальной залы голоса. Веселый гомон переплетался с пленительными звуками лютней и флейт. Звонком бокалов, наполненных терпким вином.

Эти края славились плодородными виноградниками, оттого папеньке так не терпелось поднять себе настроение, другими словами, заняться дегустацией здешних напитков. Главное, чтобы не додегустировался до состояния, когда с праздника его придется выносить заботливым слугам. Увы, такое уже случалось.

Самым волнительным оказался момент, когда передо мной распахнулись широкие двери. Музыка оборвалась и собравшиеся дружно повернули головы в мою сторону. Тишина воцарилась такая, что, казалось, пролети муха, ее жужжание нас оглушит.

Не чувствуя под собой ног, сделала неуверенный шаг, за ним другой. Ощущая на себе липкие, словно патока, изучающие взгляды, точно королева, всходящая на эшафот, я пересекла зал. Казалось, ему не будет конца и сил не хватит достичь кресла во главе пиршественного стола.

Хотелось зажмуриться, а лучше – развернуться и убежать.

Немалых усилий стоило задушить в себе этот малодушный порыв и с высоко поднятой головой, практически не дыша, чему в немалой степени способствовала маменька, от души затянув корсет, я все-таки добралась до своего «трона».

Облегченно выдохнула, заметив молодого шевалье, что встречал нас утром. Де Лален умело переключил внимание собравшихся на себя. Произнес короткую торжественную речь, рассыпался в комплиментах перед «самой прекрасной невестой во всем Вальхейме», чем вызвал скептические усмешки у некоторых дам. Спасибо, хоть попытались скрыть их за кружевными веерами.

Пригласив гостей к столу, шевалье устроился со мной рядом. Родителям и сестрам достались места на другом конце стола.

Днем мне кусок в горло не лез, да и сейчас особого голода не испытывала. Зато гости не страдали отсутствием аппетита и, словно саранча на пшеничном поле, опустошали ломящийся от яств стол. Чего тут только не было: фазаны и бекасы, поданные в собственных перьях, молочный поросенок, фаршированный яблоками, нежнейшее филе косули с заморскими специями и многое, многое другое. Одни блюда сменялись другими, еще более изысканными. Уже не говорю о льющихся рекой винах всех сортов и оттенков, от насыщенного багряного до нежно-золотистого.

– Месье де Лален, – начала было я.

– Зовите меня просто Касьен, – очаровательно улыбнул-

ся молодой человек и, склонившись ко мне, с заговорщицким видом проговорил: – Моран локти будет кусать от досады, когда поймет, *что* пропустил. Словами не передать, какое это наслаждение любоваться вами, мадемуазель Александрин. – Взгляд шевалье утонул в глубоком вырезе моего платья. Видно, большее эстетическое наслаждение маг получал не от любования моими нежными чертами лица, а от созерцания тех прелестей, что сейчас томились в тисках корсета.

– Будем надеяться, что мессир маркиз будет иметь такую возможность на нашей свадьбе. Если, конечно, опять не возникнут непредвиденные обстоятельства и не помешают ему присутствовать на ней лично, – не сдержавшись, буркнула я.

Шевалье усмехнулся в свои тоненькие, словно ниточки, закрученные кверху усы.

– Расскажите, месье де Лален, кто все эти люди, – попросила я, желая отвлечься от мыслей о чрезвычайно занятом женихе и своей на него обиде. – С удовольствием послушаю об окружении его светлости. Начнем вон с той белокурой дамы, что не сводит с меня глаз, – указала я на нимфу в светлом воздушном платье.

Поняв, что ее пристальное внимание не осталось незамеченным, сероглазка опустила голову и сделала вид, что увлечена распиливанием антрекота.

Улыбка на лице Касьена вдруг померкла. Или мне показалось, или он занервничал.

Быстро проговорил:

– А, это... Мадемуазель Опаль, дочь графа де Вержи. Они с маркизом соседствуют. Рядом с мадемуазель де Вержи сидит... – спешно переключился мой гид на другого гостя, а я вновь почувствовала на себе пристальный, изучающий взгляд серых холодных глаз.

После затянувшегося застолья пришло время танцев, которые я всегда любила. Любила отдаваться во власть чарующих звуков музыки, что рождались от прикосновений умелых пальцев менестрелей к струнам лютни и арфы.

Даже любопытные, оценивающие, а иногда и насмешливые взгляды, которые ловила на себе на протяжении всего вечера, не могли заставить меня усидеть на месте. Только не тогда, когда вокруг разворачивается такое веселье. Тем более что месье де Лален, воспользовавшись правом близкого друга жениха, решил украсть у меня первый танец, с милой улыбкой заявив, что с удовольствием украл бы и первый поцелуй.

Спасибо, хоть не первую брачную ночь.

Останавливала ретивого шевалье лишь боязнь получить оплеуху от ревнивца-стража.

На какое-то время тревога и волнение отступили. Я наслаждалась каждым мгновением, дарила беззаботные улыбки своим кавалерам, от которых не было отбоя. Почему-то каждый кавалер Гавойи, этого солнечного, плодородного края,

сегодня жаждал получить хоть толику моего внимания.

Стоит отметить, близняшки тоже были нарасхват. С царственным видом принимали комплименты от толпившихся вокруг них разряженных щеголей, время от времени удостоивая кого-нибудь из счастливиц чести станцевать с ними очередную гальярду или принести бокал с освежающим напитком.

Мама́ хмелела от счастья, любуясь своими кровиночками, папа́ – от сладких вин, успешно воплощая в жизнь мое недавнее опасение.

Сейчас в зеркалах, которыми были обильно украшены стены зала, отражалась счастливая невеста. На какой-то миг я даже почти поверила, что все эти важные сеньоры в скором времени станут мне добрыми друзьями, роскошный дворец – домом, а его хозяин, с которым я еще не имела чести познакомиться, – любящим мужем.

Наверное, шальные мысли, полные радостного возбуждения, рождались под воздействием коварных напитков. Всего пары бокалов хватило, чтобы утратить привычную мне рассудительность, приправленную изрядной долей скептицизма.

Нет, сегодня я не буду грустить и переживать! Не буду вспоминать о Серен и о чувствах, что когда-то, а может быть, и сейчас, испытывал к ней страж.

Сегодня буду просто наслаждаться праздником, устроенным в мою честь, и верить в лучшее.

Прохладный весенний ветер, проникая в зал через распахнутые настежь двери, что вели в сад, приятно охлаждал лицо. На щеках горел румянец от веселья и быстрых танцев. И когда объявили, что всех приглашают отведать десерт, я даже вздохнула с облегчением. Еще одну гальярду или ригодон я бы точно не выдержала.

Столы со сладостями – всевозможными пирожными и сахаренными фруктами – накрыли во внутреннем дворике, в центре которого красовался фонтан из белого камня, а пол пестрел мозаикой.

Все тот же шевалье де Лален представил меня двум пожилым матронам, с которыми завязалась почти непринужденная беседа. Потом я пообщалась с графом де Вержи, чья белокурая дочь за вечер чуть не просверлила во мне дыру своим взглядом.

Вскоре очаровательная наследница присоединилась к нам. Сжимая изящными пальчиками тонкую ножку бокала, до краев наполненного рубиновой жидкостью, Опаль, казалось, мне приветливо улыбнулась. Я же почему-то в ее искренность не поверила. Глаза не обманывают, а они были холодны, как зимняя стужа.

– Прошу прощения, – поспешил откланяться его сиятельство, заметив среди осаждавших столы гостей пышнотелого господина, судя по темной одежде и золотому знаку Единой на груди, представителя местного духовенства.

Мы остались с Опаль наедине.

– Чудесная вышла помолвка, – пригубив вина, сказала девушка и добавила с наигранной печалью в голосе: – Жаль, что без жениха. Надеюсь, Моран не сбежит от вас накануне свадьбы. Было бы забавно. Вернее, я хотела сказать печально, – брызнула ядом мадемуазель.

Сердце кольнула неприятная догадка.

– Со своей стороны обещаю сделать все возможное, чтобы его светлости даже в голову не пришла подобная глупость, – поспешила заверить язву. – Я окружу его такой заботой и лаской, что он всецело растворится в моей любви.

– Только не переусердствуйте, – подавшись ко мне, сквозь зубы процедила девушка. – Моран не любит слишком назойливых.

– Буду иметь в виду. Спасибо, что поделились опытом, – отбила я пас и, копируя ледяную красавицу, холодно ей улыбнулась.

Пусть лучше скулы сведет от гримасы «радости», чем эта хищница догадается, как сильно меня задела ее слова.

Опаль тоже не спешила выходить из образа радушной знакомой, умело маскировала свои истинные чувства. Благо хоть советами больше не донимала.

Лишь не преминула позлорадствовать на прощанье:

– Хочется верить, что в лице маркиза вы найдете то, о чем мечтает каждая женщина, – любимого, которому с радостью отдадите свое сердце. Жаль только, сердце мессира де Шалона всегда принадлежало и будет принадлежать другой. –

Девушка подняла бокал, словно собиралась произнести тост в мою честь. – А вообще, как уже сказала, чудесная помолвка. Наслаждайтесь праздником, Александрин. Пока еще есть такая возможность.

Увы, после всего услышанного наслаждаться мне резко перехотелось. Опаль ушла, оставив меня в растрепанных чувствах. Тревога снова упала камнем на сердце. А вместе с ней в душе поселилось и иное, доселе незнакомое чувство.

Что это? Ревность?

Проклятье, Моран! Мы еще даже не познакомились, а ты уже целую неделю успешно портишь мне настроение.

Главное, чтобы не испортил жизнь.

Глава 4

Праздник закончился далеко за полночь. Думала, сморенная усталостью, быстро усну. Но не тут-то было. Долго ворочалась с боку на бок в этой огромной чужой кровати, в которой запросто помимо меня поместились бы и Соланж с Лоиз.

В голову ядовитыми змеями вползали горькие мысли. Как долго они вместе? Что связывает их? Почему Опаль согласилась стать любовницей маркиза? На что надеялась?

Или надеется до сих пор?

Как будто мне Серен было мало, в которую, по слухам, его светлость до сих пор безумно влюблен. А тут еще и эта языкастая стерва! Которую я уж точно не собираюсь терпеть.

«Вот пусть на ней тогда и женится! А меня оставит в покое!» – зажмурилась, тщетно пытаюсь прогнать сероглазку из своей памяти и снова испытывая жгучую обиду на стража.

В конце концов, измученная переживаниями, сумела забыть. Кажется, лишь на мгновение. Проснулась от тревожного ощущения чьего-то присутствия и стала судорожно вспоминать, заперла ли дверь перед тем, как лечь спать. Вроде бы запирала.

Но тогда...

Приподнявшись на локтях, испуганно вскрикнула, заметив вырисовывающуюся в темноте высокую фигуру. Зажмурилась на миг, надеясь, что мужчина в моей спальне – всего

лишь галлюцинация, вызванная недавними переживаниями. Но мираж и не думал исчезать.

Поленья в камине почти догорели, и света угасающего пламени было недостаточно, чтобы осветить лицо незваного гостя. Луна, бесстыдно подглядывающая за нами в окна, серебряным контуром очерчивала силуэт широкоплечего незнакомца.

Скорее почувствовала, нежели увидела, как он пристально смотрит на меня. Этот взгляд, принижающий, тяжелый, я ощущала каждой клеточкой своего тела. От него мурашки бежали по коже.

– Я не хотел вас напугать, – слышался голос, который вот уже несколько дней преследовал меня в снах.

Голос мессира стража.

– Но напугали, – сглотнув застрявший в горле комок, выдавила я и повыше натянула одеяло. – Что вы здесь...

– Хотел познакомиться, – прозвучал обескураживающий ответ.

Издевается? Явиться к незамужней девице ночью в спальню – это не желание познакомиться, а самое что ни на есть настоящее оскорбление ее чести и достоинства!

Но, видимо, мессире стражу было плевать и на мою честь, и на мое достоинство.

Словно уловив ход моих мыслей, Моран вкрадчиво пояснил:

– Мы ведь помолвлены. Думал, жениху простят эту ма-

ленькую вольность.

– Вам лучше уйти.

– Подойдите ко мне, – приказал он, никак не отреагировав на мое желание выставить его за дверь.

Которую, точно помню, я запирала. Но вот он здесь.

– Или, если не хотите подниматься, я сам к вам подойду.

Прозвучало как угроза.

Поколебавшись с секунду, нерешительно откинула одеяло. Огляделась в поисках пеньюара, но тот, как назло, нигде не просматривался. Вздогнула, когда ступни обдало холодом каменных плит, и сделала несколько несмелых шагов навстречу стражу.

Глаза быстро привыкли к темноте, и теперь я видела его задумчивую улыбку. Легкую щетину, темневшую на скулах, резко очерченные губы, нос, прямой, с едва различимой горбинкой. Короткие черные волосы и такие же черные, как сама бездна, глаза, неотрывно следящие за каждым моим движением. Наверное, так смотрит хищник за миг до того, как набросится на свою жертву.

Такой жертвой ощущала себя я.

Обхватила руками плечи, вздрагивая то ли от холода, то ли от волнения. А может, просто хотела прикрыть глубокий вырез сорочки, по которой в данный момент блуждал глубокомысленный взгляд стража.

Рассматривает так, будто оценивает свое приобретение – не переплатил ли.

Наверняка товаром я для него и являлась. Покупкой, спонтанной или, быть может, запланированной. А вот насколько выгодной, оставалось пока под вопросом.

Замерла посреди комнаты, не решаясь еще больше сократить разделявшее нас расстояние. Этот мужчина, потомок древних морров, излучал такую мощь и силу, такую власть, что я вдруг почувствовала себя перед ним совершенно беззащитной. Мелкой букашкой, которую Моран мог при желании запросто раздавить и даже этого не заметить.

– Вы меня боитесь, Александрин? – одними уголками своих идеально красивых губ усмехнулся маркиз.

– Вы заставляете меня нервничать, – призналась честно. Вздрыгнула, когда страж, устав ждать, пока я к нему доплетусь, приблизился сам.

Попросил мягко:

– Подойдите к зеркалу. – Заметив в моих глазах недоумение и немой протест, вкрадчиво проговорил: – Мне очень жаль, что меня не было на нашей помолвке. И в качестве извинения хотел бы преподнести вам подарок.

– Думаю, за сегодняшний день я получила от вас достаточно подарков.

– Этот особенный, – загадочно улыбнулся де Шалон и встал у меня за спиной.

В высоком напольном зеркале, заключенном в резную раму, отражалась я, скованная оцепенением, и его светлость, расслабленный и безмятежный.

– Ваши волосы пахнут лавандой, как поля Гавойи, – прошептал он мне на ухо, опалив горячим дыханием чувствительную мочку, заставив напрячься еще больше.

Бережно убрал чуть спутанные после сна смоляные пряди и в считанные секунды справился с застежкой кулона. Темно-бордовый камень, словно налитый кровью, в ажурной золотой оправе.

– Очень красивый, – коснувшись украшения, явно старинного, поблагодарила стража улыбкой, но поднять глаза, чтобы встретиться с ним в зеркальной глади взглядом, так и не решилась.

– И очень вам идет. Никогда его не снимайте. Сделаете это для меня? – Его шепот обволакивал, ласкал, согревал. В то время как благородный металл приятно охлаждал кожу.

Наверное, трудно отказать такому мужчине хоть в чем-то. Тем более в подобной мелочи. Тем более что украшение завораживало своей красотой и снимать его совсем не хотелось.

Никогда.

Приказав себе не растекаться лужицей у ног черноглазого сердцееда, сказала, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно тверже:

– Только если ответите на один мой вопрос.

На лице стража промелькнула тень недовольства, но он тут же взял себя в руки.

– Какой же? – поинтересовался спокойно.

Все-таки заставила себя вскинуть голову и спросила, глядя прямо ему в глаза:

– Почему я?

По телу пробежала волна дрожи, когда почувствовала сильные руки у себя на талии. Даже через тонкую ткань сорочки я ощущала жар его пальцев.

Что за такое полагается? Пощечина. Это как минимум.

Вот только рядом с этим мужчиной никак не получалось строить из себя колючую недотрогу. Моран будто подавлял мою волю, сковывал тело, и я ничего не могла с этим поделать.

– Посмотрите на себя, – елеинным голосом сказал маркиз, мягко прижимая меня к своей широкой груди, отчего мысли путались, превращались в вязкий кисель. – Зеркало лучше меня ответит на ваш вопрос.

Шумно вздохнула, когда рука стража, соскользнув с талии, коснулась моего лица. Эта невинная мимолетная ласка почему-то показалась даже еще более бесстыдной, точно кипятком обдало кожу, и бледные щеки залила краска стыда.

Вместо того чтобы оттолкнуть искусителя, я стояла, как парализованная. Вбирая в себя тепло, исходящее от его рук, бесцеремонно исследовавших мое тело.

– Вам лучше уйти, – посоветовала ему снова.

И снова тщетно.

Раз оставлять меня в покое страж не собирался, следовало проявить твердость и продолжить расспросы, ведь в Валь-

хейме имелось немало красавиц из куда более родовитых семей. К тому же обладающих даром. И в то, что его светлость вдруг ни с того ни с сего пленился именно моей красотой, верилось с трудом.

Вот только дискутировать с ним в данный момент совсем не хотелось. Не тогда, когда мы одни стоим в полумраке спальни. Так близко, что я слышу его дыхание. В темных глазах отражаются блики гаснущего пламени, и от этого блеска пронзительных хищных глаз, от близости, столь интимной, что мурашки бегут по коже и кружится голова, становится и страшно, и волнительно одновременно.

– С нетерпением жду нашей свадьбы, Александрин, – прошептал страж, явно имея в виду не торжественную церемонию в храме и праздничный пир, а завершающую обряд ночь. По-хозяйски приспустив пышный рукав сорочки, маркиз приник к моему плечу губами.

От такой наглости я окончательно оторопела, впала в некое подобие транса.

– Вы... – Все, на что меня хватило, это на так и не высказанный протест.

– Я веду себя непозволительно? – Чародей вскинул взгляд, в котором сейчас плясали веселые искорки.

Я кивнула. Вздохнула с облегчением, когда полуночный гость наконец изволил завершить «этап знакомства». Отступил на шаг, и я тут же вернула злополучный рукав на положенное ему место.

– Вижу, вам в новинку общаться с мужчиной, – продолжал веселиться ловелас.

– По ночам так точно, – мрачно буркнула я. Когда он меня не касался, соображать получалось значительно лучше.

– Что ж, тогда больше не буду заставлять вас переживать. – Его светлость шутливо поклонился и направился к выходу. Услышала, как в замке щелкнул ключ.

Значит, я все-таки ее запирала. А он все равно как-то вошел.

Уже на пороге страж обернулся и сказал:

– Доброй ночи, Александрин. Надеюсь, при нашей следующей встрече вы будете чувствовать себя более спокойной и не станете дрожать как осиновый лист всякий раз, когда я буду до вас дотрагиваться. Мы ведь уже помолвлены. А вскоре станем мужем и женой. – Мне так и слышалась насмешка в его голосе. – И пожалуйста, не пренебрегайте моим подарком. Мне бы хотелось видеть вас завтра в нем.

Моран ушел, а я продолжала стоять посреди спальни, скользя невидящим взглядом по обтянутым шелком стенам, и по-прежнему ощущала прикосновения его рук и поцелуй, обжегший плечо точно раскаленным железом.

Занимался рассвет, раскрашивая лес багряно-янтарными красками нового дня. Высоко в кронах шумела листва, потревоженная холодным ветром, и клекотали, перекликаясь, в ветвях птицы. По тропам и неприметным стежкам стели-

лась предрассветная дымка, где-то глубоко в чаше раздавалось сонное уханье филина.

Пугливо озираясь, прислушиваясь к малейшему шороху, малейшему звуку, по тропинке бежала девушка. Длинный плащ ее развевал ветер, так и норовя сорвать с белокурой головки капюшон, который Опаль приходилось придерживать рукой.

Другой рукой она время от времени касалась замшелых стволов деревьев, оставляя на влажной от росы коре серебристые метки, созданные магией ветра, чтобы отыскать обратный путь. В Чармейском лесу было легко заблудиться, и сейчас, задыхаясь от бега, Опаль вспоминала о страшных историях, которыми в детстве страшила ее кормилица. Пугала непроходимыми чащобами Чармейского леса, в которые злые духи заманивали непослушных детей.

И если бы не нужда, заставившая девушку тайком покинуть родительский дом, она бы ни за что не пересекла владения лесной колдуньи. О том, где та живет, однажды по секрету Опаль рассказала подруга. Серен.

Уже тогда девушка была беззаветно влюблена в ее мужа-стража. Уже тогда грезила, как в один прекрасный день он обратит на нее внимание. Назовет ее своей. А потом так удачно погибла Серен, и Опаль вдруг осознала, что дерзкие грезы вполне могут стать реальностью.

Счастливой реальностью, в которой она обретет не только любовь, но и титул маркизы де Шалон.

И тут появляется эта девчонка! Эта пустышка! Опаль почувствовала, как в висках снова шумит от гнева кровь. Ну уж нет! Так просто Морана она этой выскочке не отдаст. Еще поборется за право быть с ним!

Ведь он уже был почти в ее власти. Почти в нее влюблен...

Крошечную избушку, возвышавшуюся посреди поляны, наполненной ароматом медуницы, окутывал сумрак и тишина. Опаль несмело постучалась, не решаясь толкнуть покосившуюся от времени дверь и вовсе не желая касаться той своими белыми холеными пальчиками.

– Проходи, – раздался тихий дребезжащий голос. Следом послышалось нетерпеливое восклицание: – Ну! Чего застыла?

Преодолев брезгливость, девушка переступила порог жалкой лачуги, которая и внутри оказалась не лучше, чем снаружи. Пыль да грязь; повсюду, куда ни глянь, засушенные пучки трав, запах которых хоть немного перебивал иные, далеко не самые приятные ароматы. Сухие растения, гирляндами украшавшие стены, перемежались с подвешенными за лапки мертвыми лягушками и летучими мышами, при виде которых Опаль почувствовала, что ее начинает подташнивать.

Девушка поспешила выложить причину своего визита, чтобы как можно скорее отсюда уйти.

– Мне нужна ваша помощь, госпожа Берзэ.

Старуха, которая сидела у очага и что-то помешивала в закопченном котелке, криво усмехнулась.

– Никак приворожить кого задумала? – Окинула девушку, раскрасневшуюся от бега и волнения, любопытным взглядом и высказалась: – Замуж тебе давно пора! Сейчас, есть у меня одно хитрое средство...

Поднялась было, что-то неразборчиво бормоча, но Опаль ее остановила:

– Не нужны мне ваши приворотные зелья! – гордо вздернула подбородок, как бы говоря, что она и сама может легко вскружить голову кому угодно.

– Ну и что тебе тогда нужно? – уже не так гостеприимно осведомилась ведунья.

Девушка де Вержи замялась, тщетно пытаясь подобрать правильные слова, но, так и не сумев их отыскать, просто выпалила:

– Хочу, чтобы вы призвали для меня демона!

– Вот как? – вздернула кустистые брови старуха и ухмыльнулась, обнажив ряд желтых острых зубов. – Ты, кажется, перепутала меня со стражем. Я лишь могу варить зелья да творить мелкие заклятия, как и любая земная колдунья. А мир мглы для меня закрыт.

– А вот и неправда! – Опаль привыкла получать все, что желала, и сейчас, проделав такой долгий путь, была не намерена отступать. – Знаю, что вы – неинициированная ведьма. Знаю, что в вас течет кровь морров, но сущность ваша свободна. А значит, вы во сто крат сильнее любого из стражей. И можете призвать какого угодно демона мглы. Мне нужен

такой, который бы меня слушался. Я вам за него хорошо заплачу.

– И откуда ты взялась, такая всезнайка? – Карие глаза под набрякшими веками недобро сверкнули. – Демон – не домашняя зверушка, и управлять исчадиями мглы – это тебе не в куклы играть. Справишься?

– Справлюсь, – без колебаний ответила девушка, уже предвкушая, как натравит тварь из потустороннего мира на эту выскочку из Луази. Главное, выбрать подходящий момент, чтобы смерть девчонки посчитали несчастным случаем.

– Ну тогда садись и жди, – буркнула старуха и, отвернувшись, стала снова невозмутимо помешивать что-то в котелке.

Глава 5

Утром меня разбудил громкий стук в дверь. Перевернувшись на живот, накрыла голову подушкой, наивно полагая, что таким образом удастся заглушить вопли сестер, и надеясь, что рано или поздно им надоест истерить и они отправятся осаждать какую-нибудь другую крепость. Например, покои маменьки. Или шевалье де Лалена, при виде которого у обеих начиналось обильное слюноотделение, из груди вырывались томные вздохи, а ресницы трепетали, словно пойманные сачком бабочки.

Увы, отступить от своей затеи эти садистки не собирались. Им было не важно, что я глаз не сомкнула минувшей ночью. И до встречи с мессиром стражем сон не шел, чего уж говорить о том, что было после... Забыться удалось только под утро, тревожным сном, в котором продолжилось наше с маркизом знакомство.

Нигде от него нет покоя.

И от этих приставучих пиявок, увы, тоже.

– Александрин! Ну сколько можно дрыхнуть? Мы знаем, что ты здесь! Открывай! – голосили Соланж с Лоиз слаженным дуэтом.

Пришлось подниматься. Стоило распахнуть двери, как я едва не оказалась сбита с ног этим галдящим вихрем. Вернее, двумя – розовым и голубым. Близняшки вырядились

как на смотрины. Пышные платья, обильно украшенные рюшами и бантами, нарядные прически, маменькины драгоценности – всего было вдоволь и даже с излишком. Щеки горели, покрытые румянами, просвечивающими сквозь толстый слой пудры. Хотя сегодня, если мне не изменяет память, никаких балов не предвиделось.

Наверняка не обошлось без пагубного влияния матери, единственной целью которой было как можно скорее и как можно удачнее пристроить дочерей замуж. И что-то мне подсказывало, что в группе риска, в первых ее рядах, оказался бедолага Касьен.

– Ну как мы тебе? – кокетливо покружилась Лоиз, в то время как Соланж, прилипнув к зеркалу, зачем-то щипала себя за щеки, хотя они и без того были красными, словно спелая вишня.

«Как шуты гороховые», – чуть не ляпнула я.

К счастью, вовремя опомнилась и сказала то, что так жаждали услышать от меня сестры:

– Как всегда, очаровательны.

– Месье де Лален пригласил нас на прогулку, – сияя улыбкой, похвасталась Соланж и, взяв пример с сестры, тоже покружилась. Только не передо мной, а перед зеркалом.

– Очень за него рада, – рассеянно пробормотала я, вспоминая себя стоящей возле этого самого зеркала... в объятиях стража.

И снова по телу разлилось непонятное, дурацкое волне-

ние.

Тряхнула головой, отгоняя непрощенные воспоминания. Надо как-то брать себя в руки и избавляться от этого наваждения. Иначе и сама не замечу, как стану похожей на близняшек. А превращаться в дрессированную болонку мессира стража, счастливо виляющую хвостиком от малейшего знака его внимания, я не собиралась.

Сначала надо разобраться с его мотивами и этой бело-брысой налетчицей на чужих женихов. А уже потом решать, влюбляться или не влюбляться.

– Ах, какой красивый кулон! – подлетела ко мне Соланж.

– Где взяла? – деловито осведомилась Лоиз, оценивающе оглядывая полуночное подношение маркиза.

К счастью, ответить я не успела, иначе бы пришлось объяснять, когда же Моран смог мне его подарить. В дверях очень вовремя показалась баронесса ле Фиенн, такая же нарядная, как и ее любимицы.

– Папá еще спит, – зачем-то сообщила ее милость.

Просеменив к обитому узорчатой тканью креслу, что стояло возле камина, грациозно в него опустилась. Не в камин, конечно, а в кресло. После чего обратила свой царственный взор на меня, еще до конца не проснувшуюся.

Неодобрительно (впрочем, как и обычно) покачала головой.

– Ксандра, ты похожа на чучело, – без обиняков заявила баронесса. – Немедленно приводи себя в порядок. Я слыша-

да, его светлость уже вернулся.

– В курсе, – мрачно буркнула я, но тут же прикусила свой не в меру длинный язык.

Моя маленькая оплошность не осталась без внимания.

– Откуда узнала? – наострили уши близняшки.

Вот ведь бестии, ничего от них не утаишь.

– Мари рассказала, – выдала первое, что пришло в голову.

Так звали приставленную ко мне служанку – пухленькую, розовощекую хохотушку из Санжа, с которой я вчера успела немного пообщаться. До того, как заявили сестры и принялись вытрясать из меня душу одним своим присутствием.

Близняшки переглянулись и нахмурились, но приступить к допросу не успели, слово снова взяла мамá:

– Значит, сегодня наконец познакомитесь.

Угу, во второй раз.

– Деточка, подойди-ка сюда, – поманила меня изящным пальчиком с острым ноготком баронесса.

Пришлось опуститься в соседнее кресло.

– Когда будете общаться, – подавшись ко мне, доверительно заговорила маман, – не забывай показывать, что ты на седьмом небе от оказанной тебе чести. Мужчины такое любят, это льстит их самолюбию.

И снова перед внутренним взором нарисовалась идиллическая картина: мессир страж и счастливо виляющая хвостиком у его ног собачонка.

– Вы ведь еще не женаты, – не догадываясь о моих тоск-

ливых мыслях, продолжала просвещать меня матушка, – и хоть помолвка и является гарантией будущего союза, но все же не стоит испытывать судьбу. Не дай Единая, его светлость передумает.

От такого предположения ее милость аж передернуло, как еще себя знаком Единой не осенила. А мне вдруг нестерпимо захотелось уже сегодня выскочить замуж. Только бы скорей распрощаться с моим любящим семейством.

Я послушно кивала в такт словам матери, втайне моля богиню, чтобы эта проповедь поскорее закончилась.

Но баронессу, кажется, понесло.

– И еще, дорогая, постарайся как-то подтолкнуть его светлость к мысли, что неплохо бы побеспокоиться и о твоих младших сестрах. Как-никак им уже исполнилось восемнадцать.

Соланж и Лоиз горестно завздохали, словно уже завтра их могли записать в старые девы, и только де Шалон был способен осчастливить их, вселить в юные сердца какую-никакую надежду.

– К тому же теперь мы одна семья, и его светлость не меньше меня должен заботиться о своих родственницах, – важно заметила родительница. И еще неизвестно, сколько она могла бы нести подобную ахинею, но тут в комнату прошмыгнула Мари.

Добродушное лицо служанки озарила улыбка.

– Доброе утро, мадемуазель, – присела девушка. – Его

светлость изволит позавтракать вместе с вами в саду. Мне было велено помочь вам одеться.

Ну, раз изволит, значит, будем завтракать.

Мама не стала задерживаться, ушла, забрав с собой, хвала Единой, и близняшек. Только поравнявшись со мной, тихонько напомнила, что отныне вся ответственность за безоблачное будущее сестер лежит всецело на моих хрупких плечах, и я окажусь распоследней эгоисткой, если не помогу Соланж и Лоиз уже в этом году (хорошо хоть не в этом месяце) обзавестись достойными спутниками жизни. И чем родовитее и богаче, тем лучше.

Проводив родственниц взглядом, я безнадежно вздохнула и отправилась в купальню. Превращаться из чучела в писаную красавицу.

Все ради колдовских глаз его колдовской светлости.

Моран ждал меня в одной из многочисленных беседок парка, чьи ажурные купола виднелись из окон моей спальни. К беседке вела усыпанная щебнем дорожка. В обрамлении кустарников, по форме напоминавших сферы, она выглядела ухоженной и нарядной. На фоне зелени выделялись белоснежные статуи обнаженных девиц, стыдливо прикрывавшихся фиговыми листиками.

Может, у его светлости пунктик на этот счет, потому как картин в галереях дворца, изображавших все тех же нагих красавиц, тоже имелось предостаточно.

То тут, то там проглядывали мраморные фонтаны, из недр которых вырывались сверкающие на солнце струйки воды, лаская слух своим журчанием.

В общем, сплошная идиллия. Повсюду, куда ни глянь, тишь да благодать. За исключением моего сердца, которое сжималось от волнения и боязни снова потеряться в присутствии стража.

Голову даю на отсечение, он прекрасно понял, какие чувства обуревали меня этой ночью. Мессира маркиза наверняка позабавили мои переживания, которые никак не удавалось скрыть.

Ну ничего! Сегодня я буду строгой и сдержанной. Ни словом, ни взглядом не дам понять, как он на меня действует.

Самовнушение вроде бы помогло. Но только лишь до того момента, как увидела его чародейство, вальяжно развалившегося за столом в беседке.

Заслышав мои шаги, Моран поднял голову, лицо его осветилось улыбкой. Почему-то показавшейся мне опасной и хищной, словно вместо тарталеток с сыром и крема глясе, маркиз собирался полакомиться за завтраком своей невестой.

Поднявшись, страж сбежал по ступеням беседки, чтобы коснуться моей руки приветственным поцелуем, от которого на короткий миг предательски екнуло сердце.

– Чудесно выглядите, Александрин, – одарил похвалой, глядя на меня своими гипнотическими глазами цвета мори-

она, в которых было так легко раствориться.

И что я там себе обещала пару минут назад?

Страхнув наваждение, присела в почтительном реверансе. Изучающий взгляд стража продолжал скользить по моему бумазейному платью, достаточно теплому, чтобы защитить от ветра и холода. Скромный вырез наряда, отделанный кружевной лентой, подчеркивал кулон из турмалина. Что явно порадовало мессира маркиза.

Он, в свою очередь, тоже был одет достаточно просто, но вместе с тем довольно элегантно. В темный костюм из дорогого сукна, отделанный лишь серебряным галуном и такого же цвета пуговицами. Из-под камзола выглядывала белоснежная батистовая рубашка, украшенная широким кружевным воротником.

– Сегодня же пришло к вам портниху, – задумчиво проговорил де Шалон и, завершив утренний осмотр, пригласил меня в беседку.

Я вспыхнула.

По сравнению с его светлостью я, конечно, выглядела чересчур скромно. Этакая бледная моль, которой уже давно не мешало бы обновить гардероб. Вот только в том, чтобы выступать в роли куклы, которую маркиз будет наряжать как ему вздумается, тоже приятного мало.

Пока Моран ухаживал за мной и изображал обходительного кавалера, я украдкой за ним наблюдала. С момента нашей встречи на балу в Тюли его светлость ничуть не изме-

нился. По крайней мере, я его именно таким и запомнила: красивым, обаятельным, с загадочной улыбкой на устах, которая сражала наповал всех дам без исключения, стоило тем оказаться в поле зрения чародея. Жаль, что улыбка эта в тот праздничный вечер предназначалась одной Серен. Как и влюбленный взгляд черных колдовских глаз.

Сейчас улыбки и взгляды маркиза принадлежали мне. Вот только насколько они были искренни... Казалось, за искусной маской прячется равнодушие.

А может, я просто боюсь обжечься, вот и пытаюсь разглядеть в сидящем напротив меня мужчине то, чего на самом деле нет.

– Отведайте профитроли, – протянул мне тарелочку с маленькими круглыми пирожными его светлость. – Уверен, таких вы еще не пробовали. – И снова мне слышались в его голосе искушающие нотки.

Взяла предложенное лакомство, случайно скользнув взглядом по запястью стража. Заметила фрагмент татуировки, убегавшей от ладони к предплечью, а может, и дальше. Увы, все самое интересное скрывала одежда.

В смысле татуировки, конечно, ничего больше.

Пытаясь отделаться от провокационных мыслей, спросила:

– Этот рисунок, он что-то означает?

– Имя демона, с которым мне довелось сразиться, – невозможно ответил Моран, а я поежилась.

Было в этом нечто жутковатое: вот так сидеть и общаться с человеком, охотящимся за самыми опасными и омерзительными тварями, которые когда-либо создавала мать-природа.

Маркиз закатал рукав, оголив предплечье, по которому бежала цепочка непонятных мне символов, переплетающихся с какими-то загогулинами.

– Она не единственная. Из-за магии, что связывает нас с миром мглы, такие метки проявляются после уничтожения каждого демона. Скоро вы сможете их лицезреть, – хитро добавил этот соблазнитель, всколыхнув внутри то самое злополучное чувство смущения, от которого никак не удавалось избавиться. – Надеюсь, они вас не испугают.

– Я не из пугливых, – ответила как можно беззаботнее и сделала небольшой глоток отвратительного на вкус напитка, именуемого кофе. Откусила пирожное, чтобы заглушить горечь, и попросила: – Расскажите о себе. О стражах ходит столько легенд, и так сложно отделить правду от вымысла. Говорят, в каждом потомке морра присутствует жуткое демоническое начало, которое жрецы Единой извлекают особыми заклинаниями и помещают в зачарованные зеркала. Наверное, это больно – терять часть себя.

– Терять темную часть, которая с годами может свести с ума, – уточнил маркиз. – Ради этого стоит потерпеть боль. Некоторые во время ритуала не выдерживают и теряют сознание, что в какой-то мере облегчает невыносимую пытку. Увы, мне так не повезло. – Де Шалон усмехнулся, и я

неволью испытала жалость к этому человеку, несущему бремя ошибок своих предков.

О том, что в древности моррами назывались маги, черпавшие силу из мира мглы, было известно каждому. Призвав демона, морр становился с ним единым целым и использовал того как источник силы.

Маги-стихийники по своим возможностям им и в подметки не годились.

И, наверное, такой расклад – сильнейшие темные чародеи и слабые по сравнению с ними маги природы – сохранился бы и по сей день, если бы не появились одержимые.

Некоторые морры, посчитав себя всемогущими, способными контролировать любых исчадий мглы, посягнули на демонов куда более могущественных, чем они сами. Такая самонадеянность закончилась тем, что твари завладели не только телами магов, но и их разумом, что привело к длительной войне, прозванной летописцами Войной одержимых.

С тех пор любая связь с миром мглы находится под запретом, а потомки морров, обладающие даром чувствовать демонов, ведут на них безжалостную охоту.

– Как только одной твари удастся проникнуть в наш мир, мы выслеживаем ее и уничтожаем, – рассказывал маркиз.

– И часто такое случается? Я имею в виду появление демона. Как они вообще сюда проникают?

– Заклятия, что использовали морры для призвания де-

монов, истончили грань между нашим и потусторонним миром. Бывает, она разрывается и тварям удается выбраться из мглы. Должно быть, им там живется несладко, раз они так настойчиво рвутся к нам в гости, – пошутил страж, пытаясь стереть с моего лица выражение беспокойства.

Несмотря на то что солнце находилось в зените и щедро изливало свой свет на парк, на душе у меня было сумрачно и тоскливо. Наверное, не стоило касаться этой темы, совсем не подходящей для романтического завтрака.

– В последнее время они и вовсе зачастили, – с задумчивой усмешкой пробормотал де Шалон, а потом вскинул на меня взгляд. – Не желаете прогуляться, Александрин?

Я желала. А потому доверчиво протянула свою руку стражу и вместе с ним не спеша направилась по дорожке, что убегала вглубь парка.

После прогулки и болтовни ни о чем, а вернее, о моем мало чем примечательном детстве, а также о недавней не менее скучной юности, его светлость изволил ознакомить меня со своими хоромами. Вчера, признаться, не до того было. Только и запомнила что роскошную анфиладу, по которой шевалье де Лален провожал меня к покоям маркизы, то бишь к моим. А после все мысли сосредоточились на грядущей помолвке, и мне уже было не до осмотра.

Несмотря на то что разговоры о демонах и кишашем ими мире мглы вселяли в сердце тревогу, любопытство взяло

верх, и я выведала у Морана еще один интересный факт. Оказывается, если разбить зеркало, в котором заточено демоническое начало стража, погибнет и он сам.

Успокаивало, что превратить зачарованный артефакт в россыпь осколков было непросто. Для этого требовались особые заклинания, которыми владели единицы. Как и доступом в Альнею – святилище, где и находились заточенные в зазеркалье демонические сущности потомков морров.

Каждый зал дворца, его широкие галереи поражали обилием роскоши. Множество картин в позолоченных рамах, панно на стенах, облицованных многоцветным мрамором. Расписные плафоны, хрустальные люстры, отливавшие всеми цветами радуги в лучах полуденного солнца.

В некоторых покоях, вместо отделки из мрамора, стены были затянуты дорогими тканями: парчой с замысловатым серебряным или золотым орнаментом, а также ярким шелком.

Резная мебель темного дерева, обитая бархатом и глазом, приковывала взгляд, как и множество статуэток, напольных ваз и прочих очаровательных безделушек, которыми можно было любоваться часами.

Миновав зеркальную галерею с видом на сад (вообще, как успела заметить, зеркал во дворце было достаточно), мы оказались в фехтовальном зале, где его светлость и месье Касьен устраивали дружеские поединки, которые чаще всего оканчивались бесславным поражением де Лалена.

Именно там произошло неожиданное столкновение, в котором потерпели фиаско мы оба. В залах дворца и парке суетились слуги, наводя порядок после праздничной ночи, а в фехтовальном не было ни души. Только я и Моран. Который вдруг неожиданно ринулся на меня в атаку: привлек к себе, отчего температура моего тела резко повысилась. По коже побежали мурашки от волнения и предвкушения. А когда его губы нашли мои – коварный выпад, после которого, точно знала, уже не смогу устоять на ногах, – лишь усилием воли заставила себя отстраниться.

Все мое естество жаждало этого поцелуя. От одной лишь мысли почувствовать прикосновение его губ начинала кружиться голова, подкашивались ноги. И, наверное, стоило уступить этой маленькой слабости, прижаться к нему сильнее, но вместо этого я проговорила тоном строгой гувернантки:

– Вы так и не ответили на мой вопрос!

– Не припомню, чтобы вы его задавали, – чуть нахмурился де Шалон.

– До моего приезда в Валь-де-Манн мы виделись лишь однажды. Вернее, это я видела вас, а вы меня в тот вечер в упор не замечали. И вдруг это неожиданное предложение... – Перевела дыхание, пожелала себе удачи и храбро закончила: – Боюсь, ваша светлость, если не будете со мной откровенны, ничего у нас не получится.

– Вы чего-то опасаетесь, Александрин? – Вместо того что-

бы дать простой вразумительный ответ, чтобы мы могли с чистой совестью вернуться к прерванному занятию, маркиз пошел в наступление. – Не доверяете мне?

– Если честно, не знаю, что и думать. И оттого мне тревожно. – В отличие от стража я не собиралась юлить, ответила искренне.

А он... он молчал. Лишь спустя несколько долгих мучительных мгновений тишины проронил сухо:

– Думал, обрадуетесь оказанной вам чести. Для вас и ваших родственников породниться со мной – большая удача. – Слова хлестнули унижительной пощечиной.

– Хотите сказать, решили меня облагодетельствовать? Как это мило с вашей стороны! – выпалила я, не в силах сдержать обиды. – Выходит, дело вовсе не во внезапно вспыхнувшем чувстве, о котором рассказывали прошлой ночью, а в желании спасти от участи старой девы бедную родственницу покойной жены? Признаюсь, я немного запуталась в ваших желаниях и мотивах.

Не стоило этого говорить. При упоминании имени Серен маркиз побледнел, вернее, лицо его приобрело пепельный оттенок. Зато глаза, наоборот, полыхнули раскаленными углями. Дикой злобой, если не сказать ненавистью, и чем-то еще, заставившим мое сердце испуганно сжаться, а меня – отпрянуть.

– Думаю, на этом закончим нашу прогулку. – В голосе маркиза сквозило раздражение, а взгляд прожигал. – Возвра-

щайтесь к себе, Александрин. Вы явно еще не отошли после утомительного путешествия.

– Как будет угодно мессире стражу, – опустилась в быстром реверансе и, развернувшись, бросилась прочь, слыша, как в унисон с дробью моих каблуков в груди исступленно колотится сердце.

Моран был зол. Да какое там зол! Его светлость был вне себя от бешенства.

Может, тело у девчонки и стоящее. Но какая мятежная душа! Приспичило ей, видите ли, докопаться до истины... Нет бы радоваться, что вообще снизошел до нее. Забросал подарками, при виде которых любая другая сходила бы с ума от счастья. А эта заглянула мельком в шкатулку-другую и даже примерить ничего не удосужилась.

Хорошо хоть кулон надела... А если взбрыкнет и перестанет носить? Не цеплять же его, как ошейник на пса, силой.

Или того хуже – решит разорвать помолвку. Родители, конечно, ей не позволят. Спят и видят, как бы отделаться от своей великовозрастной доченьки. Но ему, Морану, от этого не легче. Замуж выйти девчонка должна добровольно. Добровольно вступить с ним в связь. Иначе, по словам ведьмы, не будет никакой привязки и он только понапрасну потратит время.

Слуги, видя, что господин не в духе, при виде него пугливо замирали и опускали головы. Заметив в другом конце

Зеркальной галереи дворцового, его светлость окликнул его и нетерпеливо спросил:

– Кого из служанок приставили к мадемуазель ле Фиенн?

– Мари, ваша светлость, – поравнявшись со стражем, почтительно поклонился дворецкий.

– Вели ей сейчас же явиться в мой кабинет. – Видя, что дворецкий замешкался, гаркнул раздраженно: – Живо!

Слугу как ветром сдуло.

Моран на миг зажмурился, пытаясь погасить разгорающееся в душе пламя. Ничего, все у него получится. Нужно просто набраться терпения.

Ну а раз девчонка не желает очаровываться добровольно, придется прислушаться к совету колдуньи и воспользоваться зельем. Несколько капель в день избавят его от головной боли и лишних хлопот. Как и от необходимости отвечать на назойливые вопросы.

Глава 6

Пьянящие поцелуи, жар прикосновений, сладостное томление волной накрывают меня. Я знаю, что он здесь, рядом. Как тогда, в ночь после нашей помолвки, смотрит, лаская взглядом. Я ощущаю его каждой клеточкой своего тела. Тепло дыхания на губах за миг до того, как он начинает меня целовать. Неторопливо, словно желая растянуть эти мгновения близости, насладиться моей беззащитностью, вкусом моих губ. Я задыхаюсь под тяжестью мужского тела. Хочу взмолиться, чтобы остановился, не толкал в бездну греха. Но дразнящая ласка требовательного языка гасит все мысли.

– Моран... – В тишине комнаты слышится шепот, смешиваясь с едва различимым вздохом. Не знаю, каким должно быть окончание фразы – приказом прекратить или же мольбой продолжать эту опасную, сводящую с ума чувственную игру.

Страж не дает мне времени на раздумья. Прикусывает поцелуе губу, и вновь я ощущаю, как его язык сплетается с моим, заставляя трепетать от нового, доселе неизведанного чувства.

С каждым мгновением ласки становятся все требовательнее, все настойчивее. Высвободив из плена кружевной сорочки грудь, малейшее прикосновение к которой рождает внутри невозможно сладкую дрожь, он начинает покрывать

ее поцелуями, опалая нежную кожу, заставляя выгибаться ему навстречу, лишь бы снова ощутить прикосновения жадных губ.

Понимаю, что близость эта запретная, но желание быть с ним сильнее благоразумия.

Страж смотрит на меня, не отводя взгляда, и я погружаюсь в этот темный, бездонный омут. Такой же темный, как узоры татуировки, вырисовывающиеся на стальной груди и плечах во мраке спальни. От этого взгляда я возбуждаюсь даже больше, чем от любых ласк. Чувствую тяжесть ладони на другом, сладко ноющем полушарии. Требовательные пальцы, горячие, немного шероховатые, задевают тугую горошину соска, и мне кажется, что я сгораю заживо. Огонь растекается по венам, концентрируясь внизу живота.

Безумные, незнакомые ощущения, от которых кружится голова и сердце колотится как сумасшедшее.

Безумная я.

Мне бы оттолкнуть его, собрать воедино остатки здравого смысла и заставить остановиться, но мысли лишь об одном: что будет, когда я почувствую его внутри себя. От мимолетного бесстыдного образа, мелькнувшего в сознании, с губ срывается стон удовольствия.

И больше уже не хочется сопротивляться. Зарываюсь пальцами в мягкие волосы, когда страж, задрав край моей сорочки, оставляет дорожку из поцелуев на внутренней стороне бедра. Снова и снова, намеренно не касаясь самого со-

кровенного и тем сильнее распалая меня, изнаывающую от страсти, уже готовую принять его в себя.

Покориться.

– Возьми меня, – шепчу словно в бреду. – Возьми, – умоляю.

Вскрикиваю от невозможного, невероятного наслаждения, когда кончик языка, дразня, касается самой чувствительной, пульсирующей желанием точки. Еще и еще, умело подталкивая к наивысшему пику блаженства. Кричу, повторяя его имя, а он все не перестает меня ласкать, доводя до умопомрачения...

...И тут я просыпаюсь с его именем на губах.

– Александрин! Ну сколько можно? Ты вообще думаешь нам открывать?! – бушевали за дверью сестры.

Я шумно вздохнула, тщетно пытаюсь прогнать отголоски желания, разливавшегося по телу. Сорочка была влажной, тонкий шелк прилип к коже, остужая разгоряченную плоть. Кружевной подол был задран, ну прямо как в моем непристойном сне. Кажется, сама того не сознавая, я ласкала себя, бесстыдно рисуя в мечтах образ искуителя-стража.

Даже обида на Морана не отрезвляла.

Единая, да что же со мной творится?!

– Александрин! – Голос Лоиз взметнулся на октаву выше, перейдя в оглушительный визг.

Страдальчески застонав, пошла открывать своим истязательницам, так жестоко прервавшим мой сон. Который я бо-

ялась и в то же время жаждала досмотреть до конца. Губы пылали от поцелуев, по телу пробегала дрожь, стоило вспомнить прикосновения сильных рук. Словно ночное видение являлось не плодом моей фантазии, а безумной реальностью.

Огляделась настороженно, не без оснований опасаясь обнаружить в своей опочивальне его бесстыжее чародейство. Ведь как-то же он вчера сюда проник.

– Чего это ты такая красная? – с порога приступила к дозору Лоиз.

А Соланж участливо поинтересовалась:

– Заболела? Может, у тебя жар? – прижала ладонь к моему покрытому испариной лбу.

– Обидно будет, если сляжешь с простудой. Я слышала, как месье де Лален обсуждал с маркизом предстоящую охоту и пикник в лесу. Уверена, будет весело! – расцвела счастливой улыбкой Лоиз.

Соланж глубокомысленно констатировала:

– Нет, вроде бы температуры нет.

Странно. А такое ощущение, будто внутри меня заточили пламя, которое сжигает медленно, но верно, грозя превратить тело в жалкую кучку пепла.

Может, я действительно больна? И имя этой болезни – любовная лихорадка.

Оказывается, близняшки явились затем, чтобы развлечь меня до прихода портнихи, а заодно порасспрашивать о вче-

рашной прогулке с его обольстительной светлостью. Вероятно, установку получили от маменьки. Вместе с приказом выяснить, почему за ужином мы с маркизом и парой слов не перекинулись.

А о чем нам с ним говорить?

Каяться и объясняться Моран не спешил. А мне, понятное дело, просить прощения было не за что. Ведь не я же вела себя по-хамски.

Вот мы и сидели по разные стороны длинного стола, принципиально не глядя друг на друга. Вернее, это я делала вид, что в упор не замечаю своего суженого, что не мешало тому бесцеремонно меня разглядывать.

Стоило подумать о страже, как перед внутренним взором возникла все та же сладострастная картина, захватившая в плен мое сознание.

Ну прямо наваждение какое-то.

После ужина по настоянию Мари я выпила отвар вербены, чтобы ночью не маяться бессонницей. А лучше бы не сомкнула глаз, чем сгорала от неудовлетворенного желания и выкрикивала во сне имя стража.

Так и не добившись от меня вразумительного ответа, страшно недовольные моей несговорчивостью, сестры ушли, наконец оставив меня в покое. Увы, наслаждалась одиночеством я недолго. Только и успела, что окунуться в бассейн и спешно облачиться в домашнее платье (навязчивое ощущение, что за мной наблюдают, никак не желало оставлять в

покое), как явилась портниха – дородная дама средних лет в сером саржевом платье и крахмальном чепце с пышной оборкой.

Сделав неуклюжий поклон, мадам Катель принялась снимать с меня мерки, безжалостно колоть кожу иголками, вертеть, словно куклу, из стороны в сторону. И при этом негромко причитала, что в ближайшие ночи ей придется не смыкать глаз, и все ради того, чтобы смастерить для невесты мессира маркиза приличный костюм для охоты. Всем красавицам Гавойи на зависть.

До всех красавиц мне дела не было, а вот утереть нос одной блондинке-прелюбодейке очень хотелось. Поэтому послушно терпела все манипуляции, которые производила надо мной не в меру разговорчивая швея.

После ухода мадам Катель я ненадолго осталась одна. Радуюсь короткой передышке, занялась изучением спальни, пока не нагрянули маменька с близняшками или того хуже – Моран.

Знаю, глупо, но шестое чувство побуждало как следует изучить доставшиеся мне покои на предмет отсутствия или же наличия в спальне потайной дверцы. Мне так будет спокойнее.

К своему облегчению, никакого тайного хода я не обнаружила. Значит, присутствие ночью жениха в комнате просто почудилось. Приснилась чушь, вот непонятно что себе и нафантазировала. Со всяким может случиться.

За что бы ни бралась, я всегда проявляла усердие. Сестры частенько называли меня дотошной занудой и считали эту черту моего характера большим недостатком.

Вот и сейчас, оставаясь верной самой себе, я облазила спальню вдоль и поперек, заглянула в каждую щель, отодвинула большие тяжелые сундуки красного дерева, обитые медными полосами, громоздившиеся по углам комнаты. Даже, поднапрягшись, с горем пополам сдвинула с места такой хрупкий и изящный с виду секретер, на деле оказавшийся тяжеленным.

Конечно, сомнительно, что за ним мог прятаться потайной лаз. Если бы его вельможество ночами двигал у меня под носом мебель, я бы наверняка это услышала и заметила. Но бросать начатое было не в моих правилах.

Пальцы нащупали шелк обоев с выпуклым цветочным узором. Вроде бы ничего... Ой!

Испуганно отдернув руку, заглянула в просвет между мебелью и стеной, в которой нащупала небольшое углубление. Пришлось двигать секретер дальше, дабы получить доступ к неожиданно обнаруженному тайнику. Если не изучу его, и дня не проживу, непременно скончаюсь от любопытства.

Понимая, что совершаю не самый благовидный поступок, я достала из углубления резной ларец, инкрустированный перламутром. Как сказал вчера на балу де Лален, покои эти раньше принадлежали моей кухне. А значит, и ларец должен был принадлежать Серен.

Внутри на подушечке из белоснежного атласа лежали несколько золотых колечек, эмалевая брошь, увесистый мешочек, полный алидоров¹, и свернутый лист бумаги, перевязанный алой тесьмой. И прежде чем почувствовала укол совести, я развернула свиток.

Пальцы дрогнули, стоило скользнуть по нему взглядом. Послание состояло всего из трех слов, написанных крупным, размашистым почерком: «Скоро ты умрешь». Внизу чернели инициалы, оставленные все той же уверенной рукой: «А. Г.».

И ничего больше.

Я растерянно опустила на край кровати, не сводя глаз с желтоватой, немного помятой бумаги. Что это? Угроза? Адресованная кому? По-видимому, Серен. Раз письмо это обнаружилось в ее спальне.

Как жаль, что оказалось оно пророческим.

Зябко поежилась. А может, тот, кто его написал, как раз и распорядился судьбой кузины?

Дрожащими руками сунула роковое послание обратно в ларец и поспешила вернуть его на место, отчаянно желая стереть из памяти три страшных слова.

¹ **Алидор** – золотая монета. 1 алидор = 20 санталям. Сантали чеканились из серебра. 1 санталь = 12 медным талям.

Глава 7

Следующие два дня, а особенно ночи, стали для меня настоящим испытанием. Я не могла думать ни о чем, кроме будущего супруга, он всецело завладел не только моими мыслями, но и, кажется, сердцем. И что самое постыдное – тело мое тоже жаждало оказаться в его власти.

К счастью или нет, но его светлость больше не пытался меня соблазнять. Более того, на прогулки не приглашал, а когда мы встречались за обеденным столом, был хоть и учтив, но весьма сдержан. Я бы даже сказала холоден.

Изображал из себя этакий айсберг, в то время как я сгорала от желания. Украдкой поглядывая на жениха, только и мечтала о том, как его губы сминают мои в жадном поцелуе, как он властно прижимает меня к себе, и я вновь ощущаю каменную твердость мышц у себя под ладонями, млею от каждого прикосновения.

Это чувство пугало, и в то же время, стоило только подумать о страже, как меня охватывал неопиcуемый восторг и сердце в груди трепетало от радости. Самое странное, я никогда не влюблялась так быстро. Тем более не испытывала к кому бы то ни было столь сильное, сводящее с ума влечение.

Возможно, потому что до сих пор все мое общение с противоположным полом сводилось к дружбе с вилланами из окрестных деревень. Некоторые крестьянские отпрыски да-

же пытались за мной ухаживать, несмотря на возмущение маменьки. Но ни к одному из этих юношей я не испытывала ничего, кроме дружеской симпатии.

А его колдовская светлость каким-то непостижимым образом умудрился вскружить мне голову за считанные дни.

Признаюсь, я уже мечтала о том, чтобы как можно скорее выйти за него замуж и помахать ручкой своим родным. Мама́ продолжала действовать мне на нервы, ежечасно напоминая о том, что я *обязана* переговорить с его светлостью о будущем близняшек. У меня же язык не поворачивался обратиться к нему со столь деликатной просьбой. К тому же мы вроде как в ссоре, а я создание гордое и неприступное.

Хотя насчет последнего можно было поспорить.

Поздно вечером, накануне дня, которого с таким нетерпением ждали сестры, когда весь цвет Гавойи соберется вместе, чтобы заняться травлей оленя в Артонском лесу, Мари принесла мой костюм для охоты.

Что тут скажешь, ничего шикарнее видеть мне прежде не доводилось. Потягаться с творением мадам Катель могло разве что платье, сшитое для бала в честь нашей с маркизом помолвки.

Под восторженные вздохи служанки я примерила наряд. Камзол сел как влитой. Он полностью облегал фигуру, выгодно подчеркивая мою осиную талию, которой я очень гордилась, и пышную грудь. Сзади бархатное чудо драпировалось и заканчивалось коротким шлейфом, который пря-

тал иные, не менее соблазнительные выпуклости моего тела. И на которые его отмороженная светлость в последнее время принципиально не смотрел!

Спереди камзол едва прикрывал бедра. Поэтому каждый желающий завтра сможет полюбоваться моими стройными ножками в узких кюлотах и длинных сапогах из мягкой кожи. К костюму прилагались перчатки, белоснежная сорочка с пеной кружев у горловины и кокетливая широкополая шляпа с плюмажем.

Единственный, как по мне, недостаток – наряд был вызывающе ярким, цвета спелой вишни, резко контрастировавшим с моими темными волосами и светлой кожей. Зато, если верить Мари, глаза смотрелись ярче. Словно вобрали в себя всю лазурь небес, что простирались над землями Гавойи.

В общем, леглась я спать в прекрасном расположении духа. Проснулась с зарей, когда небо только окрашивали розовые лучи восхода, и сразу принялась за сборы.

Мари помогла мне одеться, собрала волосы в замысловатую прическу, украсив всю эту смоляную красоту расчудесной шляпкой. В который раз поинтересовалась, как я себя чувствую, о чем в последнее время спрашивала с завидной регулярностью (вот ведь заботливая), и, получив в ответ заверения, что энергия во мне бьет ключом, радостно заулыбалась.

– Вам обязательно нужно перекусить. Я мигом обернусь. – Сказав это, шмыгнула в коридор.

В столь ранний час аппетита и в помине не было, но под бдительным надзором служанки, так радеющей за мое здоровье, пришлось позавтракать.

За сборами и препираниями с Мари, с упорством ослицы пытавшейся влить мне в рот какой-то не слишком приятный на вкус отвар, который якобы должен был придать мне силы во время охоты, время пролетело незаметно. И вот к воротам дворца начали подъезжать первые кареты.

Не прошло и часа, как парк заполнили разряженные гости: мужчины в темных костюмах и пышных завитых париках, дамы в ярких амазонках. Единицам хватило смелости облачиться в новомодные кюлоты, в которых раньше могли позволить себе щеголять только сеньоры. Кажется, только я и Опаль не постеснялись выставить на всеобщее обозрение свои ноги. У меня, по сути-то, и выбора не было, за свою невесту все решил мессир маркиз. А вот мадемуазель де Вержи, голову даю на отсечение, намеренно нарядилась так, чтобы привлечь внимание любовника.

Очень надеюсь, что уже бывшего.

Из окна своей комнаты я заметила, как эта воровка чужих женихов, демонстративно виляя бедрами, приблизилась к Морану, облаченному в простой черный костюм, едва тронутый золотым шитьем. Тут уж ноги сами вынесли меня из спальни.

Правду говорят, ревность – самый опасный яд, от которого умираешь медленной, мучительной смертью. Снова и

снова. И только что, пока спешила к нему, я пережила самую настоящую предсмертную агонию.

Оказавшись в парке, искала стража взглядом, моля Единую, чтобы Опаль куда-нибудь провалилась. Но упрямая девица по-прежнему коршуном кружила возле моего суженого. К счастью, интимный дуэт вырос до размеров трио – к воркующим голубкам присоединился незнакомый мне мужчина. Молодой статный блондин с немного грубыми, но не лишенными мужественной красоты чертами лица. Как и маркиз, он не признавал париков, да и одеваться предпочитал без лишней помпезности. Это было первое, что бросалось в глаза.

А вскоре узнала, что роднили его светлость и незнакомца не только стремление к простоте во внешнем облике, но и общее призвание – уничтожение мерзких опасных тварей из потустороннего мира.

Словно почувствовав мое приближение, маркиз обернулся.

– Адриен, это моя невеста, Александрин, дочь барона ле Фиенн. Я тебе о ней рассказывал, – и протянул мне руку.

Сердце замерло на миг, а потом зашлось в бешеном ритме. Моран улыбался, глядя на меня, и в этой улыбке впервые я заметила нежность и теплоту. Взгляд же, скользнувший по фигуре и замерший на моих губах, которые я начала непроизвольно покусывать от волнения, обжег желанием, которое его светлости, в отличие от меня, все это время удавалось

прятать под маской невозмутимости.

Но только не сегодня.

Это заметила не только я. Опаль поменялась в лице. Улыбка, которой до сих пор одаривала стража, сползла с ее холеного личика, сменившись кислой гримасой. Глаза полыхнули ненавистью.

Похоже, так просто она не сдастся. Что ж, я тоже не намерена уступать свое счастье. Даже если пока и осталось неясным, чем его заслужила. В последнее время мысль эта больше меня не тревожила. А та, что заставляла нервничать, сейчас готова была лопнуть от зависти и злости.

Вложив свои пальцы в руку стража, я улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

Скользнула равнодушным взглядом по дочери графа и обратилась к светловолосому гостю:

– Рада знакомству, месье...

Мужчина почтительно поклонился:

– Адриен де Грамон. К вашим услугам, мадемуазель ле Фиенн. – Даже через перчатку я ощутила холод губ незнакомца, коснувшегося моей кисти приветственным поцелуем.

Вздрогнула от пристального взгляда янтарных, точно вобравших в себя все сияние солнца, глаз и поспешила высвободить руку. Услужливая память представила картину: старинный ларец и хранящееся в нем послание, подписанное инициалами «А. Г.».

И я, как секунду назад Опаль, тоже переменялась в лице.

– Все в порядке, Александрин? – почувствовала, как Моран легонько сжал мою ладонь.

Страхнув оцепенение, заставила себя улыбнуться, правда, не уверена, что удалось вернуть лицу безмятежное выражение.

– Немного волнуюсь. Давно не была на охоте, – сказала первое, что пришло в голову. Впрочем, это было правдой. Вблизи Луази лесов не имелось, только обширные поля гречихи, пшеницы да кукурузы.

– Надеюсь, мадемуазель хотя бы умеет держаться в седле? – не преминула поддеть Опаль соперницу в моем лице.

– Уверен, мадемуазель ле Фиенн прекрасная наездница, – неожиданно вступился за меня блондин и показал на своем примере, как полагается улыбаться – широко, от души.

– Позвольте полюбопытствовать, откуда такая осведомленность, месье? – не унималась интриганка. – Вы ведь только что познакомились.

– Из такой грациозной и очаровательной молодой особы просто не может получиться плохой наездницы, – польстил мне де Грамон, получив взамен пусть и не высказанную вслух, но произнесенную в мыслях искреннюю благодарность.

– Не хотелось бы лишать вас удовольствия, дорогая Опаль, но, боюсь, вы не увидите меня поверженной к ногам лошади. Ни сегодня, ни в какой другой раз, – заверила я белобрысую стерву.

– А вы самоуверенны, мадемуазель, – хмыкнула та.

– Не я одна, – в упор посмотрела на девушку и перевела многозначительный взгляд на жениха.

Заступаться за свою избранницу Моран не спешил, краем уха вслушивался в нашу пикировку. Похоже, его совершенно не заботило, оскорбит ли открыто меня Опаль или заденет исподтишка. Эта мысль немного отрезвила, заставила спуститься с заоблачных высот на бrenную землю. Значит, я по-прежнему безразлична мессире стражу.

Адриен не ошибся, я была неплохой наездницей. Могла часами, не зная устали, носиться по полям и лугам, наслаждаясь тем, как ветер бьет в лицо и развеивает мои волосы.

Вскоре мы покинули усадьбу. Мне досталась караковая кобылка, резвая и нетерпеливая. Пришлось приложить немало усилий, чтобы с ней подружиться. Еще один подарок от его светлости. Я с любовью назвала ее Искрой. У моей красавицы имелось рыжее вытянутое пятно на лбу. В контрасте с черной гривой и лоснящейся шерстью цвета горького шоколада оно как будто горело на солнце, что и подсказало мне дать лошади такое прозвище.

Под бдительным надзором Опаль и без чьей-либо помощи я ловко вскочила в седло и пришпорила кобылку, в нетерпении потрясавшую смоляной гривой и рыхлившую копытами ни в чем не повинную клумбу.

Моран гарцевал на вороном скакуне по кличке Демон. Как по мне, довольно странный выбор для стража, уничто-

жающего исчадий мглы. Опаль восседала на сером красавце в яблоках, как будто специально подбирала масть под свой светлый, с жемчужной отделкой костюм.

Обоим стражам быстро наскучило общество дам, и они, решив возглавить охоту, умчались вперед. Я тоже вскоре избавилась от пренеприятнейшего для меня общества мадемуазель де Вержи и присоединилась к весельчаку Касьену, с утра до вечера развлекавшему не отлипавших от него близняшек.

У де Лалена было просто ангельское терпение, я уже давно прониклась к нему уважением и благодарностью. Ведь если бы не он, сестрицы прилипли бы ко мне.

– А, мадемуазель Александрин! Чудесно выглядите! Я бы вами любовался не переставая. Вы просто загляденье в этом наряде, – рассыпался в комплиментах шевалье. – Если бы не маркиз, мой близкий друг, я бы непременно в вас влюбился и добивался бы вашей руки.

Не стоило ему этого говорить. Близняшки и так на меня все утро косились, вернее, на мой костюм. А после слов де Лалена и вовсе чуть взглядами не прожгли. Как еще Лоиз в сердцах мне что-нибудь не подпалила! Перья на шляпе, например, или того хуже – волосы. Сестра неохотно развивала свой дар, не желала учиться его контролировать, поэтому у нас дома частенько случались маленькие пожары. Да и Соланж тоже, увы, не являлась прилежной ученицей. Но несмотря на все хлопоты, что доставляли родителям млад-

шенькие, они все равно числились у них в любимицах.

Я же была изгоем.

Не желая искушать судьбу, перебросилась с душкой-шевалье парой фраз и поспешила ретироваться, оставив бедолагу на растерзание этим ревнивицам.

По мере того как углублялись в лес, над нами все плотнее смыкались густые кроны столетних деревьев. Сквозь ажурную листву едва проглядывало бледное утреннее солнце. Воздух, напоенный запахом прелых листьев, казался густым, почти осязаемым. Где-то неподалеку протекала речушка. Ее журчание перекликалось с глухим перестукиванием копыт и жалобным скулежом собак, будто умоляющих, чтобы их поскорее спустили со сворки.

Морана я больше не видела. Он затерялся в разноцветной кавалькаде, захваченный всеобщим азартом. По словам Касьена, его светлость был заядлым охотником, ничто так не разжигало его кровь, как травля беззащитного зверя.

В последнее время я ощущала себя таким зверьком.

Кажется, охотникам наконец удалось напасть на след оленя. Протрубили в рог, Артонский лес наполнился оглушительным лаем – псари спустили гончих и те радостно помчались за животным, не обращая внимания ни на колючий кустарник, ни на хлесткие удары ветвей.

Незаметно участники охоты рассеялись по лесу. Я немного отстала, засмотревшись на Опаль, которая выглядела чем-то очень довольной, хотя еще совсем недавно кривила лицо

в гримасе бессильной злости.

Странная метаморфоза.

Кое-как заглушив в себе новый всплеск ревности, вонзила шпоры в лоснящиеся бока Искры и рванула вперед, подальше от этой ухмыляющейся фурии.

Шум голосов раззадоренных охотой вельмож смешивался с величественными звуками охотничьего рога и стремительно отдаляющимся собачим лаем, эхом наполнявшим лесную чащу.

В какой-то момент почудилось, что к многоголосью при-мешивается чей-то отчаянный плач. Как будто совсем близко рыдал ребенок. Я натянула поводья, заставляя лошадь перейти на шаг, и прислушалась.

Нет, не почудилось.

Мимо меня проносились всадники, не замечавшие или не желавшие замечать чужих страданий. Чувствуя, как от волнения тревожно стучит в груди сердце, я пустила Искру вниз по пологому склону. Тихо шелестела потревоженная листва под ногами лошади, и этот звук, сливаясь с плачем маленького испуганного создания, подхлестывал меня, точно плетью.

Я что есть духу мчалась вдоль ручья в сторону, противоположную той, в которую удалялись охотники. Все мысли были только об одном: как можно скорее отыскать и спасти ребенка.

Не дай Единая, ему грозит опасность. Что он вообще здесь

делает? Грибы собирает? Но не в такой же глуши. До ближайшей деревни было не меньше трех лье.

Может, заблудился?

Мысли пронеслись в голове, звуча в унисон с частой дробью лошадиных копыт летящей сквозь чащу Искры. Стенания становились все громче, и тревога, поднимавшаяся изнутри, уже готова была перерасти в панику, когда я увидела девчущку лет восьми, сидящую на коряге у самой излучины ручья. Девочка горько плакала, спрятав лицо в ладонях. Из-под выцветшего шерстяного платка выбивалась светлая прядь. Одетая малышка была не по погоде, в легкое платье и сабо, которые были ей явно велики.

Но, хвала Единой, одежда была целой и на первый взгляд девочка казалась невредимой.

Я спешила. Держа лошадь в поводу, направилась к страдалице. Искра недовольно фыркала, сердилась, так не вовремя решив проявить характер.

– Не бойся меня, – ласково обратилась я к девочке, пытаюсь привлечь ее внимание.

Вздохнула облегченно, заметив, что хрупкие плечики перестали сотрясаться от рыданий, и ускорила шаг. И тут упрямая скотина вдруг ни с того ни с сего истошно заржала, встала на дыбы, явно желая меня растоптать. Повод выскользнул из руки, я лишь чудом успела отскочить в сторону, иначе бы оказалась раздавленной копытами лошади.

До смерти меня напугав, Искра умчалась в заросли.

Я обернулась к девочке, тоже наверняка напуганной столь недружелюбным поведением животного. Но малышка сидела не шевелясь.

– Эй, с тобой все в порядке? – мягко коснулась ее плеча.

Девочка отняла от лица руки, подняла глаза...

И я почувствовала, как меня захлестывает ужас.

Глава 8

Черной стрелой Демон летел сквозь чащу, тяжелыми ударами копыт сотрясая землю. Разлапистые деревья, густые кустарники проносились перед глазами стража, сливаясь в сплошную изумрудную массу. Гончие мчались, кто впереди, кто следом, оглашая окрестности дружным лаем, и напоминали рыжие пятна, в беспорядке разбросанные по темной глади леса.

Опаль слушала его, но не слышала... Мужчина остервенело вонзил шпоры в бока своего скакуна, и Демон, перелетев через корягу, понесся дальше, как будто именно он, а не его одержимый преследованием жертвы хозяин первым стремился настичь животное. Это был крупный олень с большими ветвистыми рогами, из последних сил борющийся за жизнь, которую стражу не терпелось отнять. Маркиз надеялся, что охота поможет хотя бы ненадолго отвлечься от навязчивых мыслей об Александрин, сотрет, пусть и на короткое время, воспоминания о молодом, совершенном теле, жаждущем его ласк. То еще испытание – каждую ночь наблюдать за невестой, сходящей с ума от желания, и не сметь к ней прикоснуться.

Иначе уже точно было себя не сдержатъ.

Страж и сам не мог толком объяснить, почему его так тянет к этой незнакомой, вечно настороженной, опасющейся

всех и вся девушке. Так непохожей на дерзкую, бесстрашную красавицу Серен, которую он по-прежнему горячо любил. И отступить от задуманного был не намерен. Вероятно, причина временного умопомрачения кроется в чарах ведьмы, что должны были связать его и мадемуазель ле Фиенн.

А вот к Опаль после знакомства с невестой Моран окончательно охладел. Когда-то давно она действительно была ему интересна. Или же просто привлекала ее доступность. В то время маркизу нужен был кто-то, кто угодно, чтобы забыться. И дочь соседа подвернулась так кстати. Сама добровольно преподнесла ему себя, взамен не требуя ничего. Вот только очень быстро это щенячье обожание в глазах девушки наскучило магу и, даже более того, начало раздражать.

Опаль как должное приняла его решение снова вступить в брак, и маркиз уж было успокоился. Но сегодня, вслушиваясь в милое щебетание прекрасных дам, понял, что де Вержи не смирилась.

Моран направил своего коня вниз по крутому, поросшему густой травой склону. Адриен отстал, впрочем, как и остальные участники охоты. Оставил его светлость наедине со своими мыслями.

Поглощенный размышлениями и преследованием животного, страж не сразу уловил перемену в окружающем мире. Не сразу заметил, что краски поблекли и все вокруг сделалось черно-белым. Тревожно зашумела листва в высоких кронах. Потускнело солнце, еще минуту назад разливавшее

свой янтарный свет по всему Артонскому лесу. К горьковатому запаху грибов и мха, окутавшего вековые стволы деревьев, теперь примешивалось тошнотворное зловоние.

Его мог источать только демон.

Зловоние едва уловимое, а значит, расстояние до твари было неблизким.

Не прошло и секунды, как грудь прошила знакомая острая боль, словно меж ребер всадили кинжал. По самую рукоять. Так происходило всякий раз, когда где-то в окрестностях появлялся демон. И единственное, что могло ее унять, — это уничтожение исчадия мглы.

Наверняка то же самое сейчас испытывал и Адриен.

Моран стиснул зубы, чтобы не закричать. Зажмурился на миг, впитывая в себя окружающие запахи и звуки, пытаясь понять, откуда несет демоническим смрадом.

Обжигающей лавой ярость растекалась по венам — неконтролируемое чувство, с которым невозможно совладать. Как и от боли, избавиться от него можно было, только превратив демона в прах.

Повернув коня, всадник помчался в обратном направлении, гонимый одним-единственным желанием: поскорее настигнуть жертву.

Пока последняя сама не превратилась в охотника.

Я стояла, не в силах пошевелиться. От неожиданно нахлынувшего осознания, кому по глупости пришла на помощь,

тело сковал дикий, первобытный ужас. В чертах маленькой девочки, еще мгновение назад заливавшейся горькими слезами, не было ничего человеческого. Вот ее губы растянулись в хищной улыбке, обнажив желтые острые клыки, с которых текла слюна. Там, куда она падала, оставались выжженные прогалины. Вместо носа у «малышки» зияла дыра, черным цветом контрастировавшая с мертвенно-бледной кожей. И глаза... Опасные, безумные – в них застыла бесконечная тьма.

Ослабившись, лжестрадалица медленно поднялась и протянула ко мне руку. На моих глазах маленькие детские пальчики стали вытягиваться и превращаться в кривые когти. Я отпрянула, едва не закричав. И рада была бы, но меня сковал страх, не давая вырваться наружу ни одному звуку.

Еще шаг, за ним другой... Демон двигался со мной в унисон, как будто, издеваясь, намеренно копировал мои движения. Наверное, хотел позабавиться, насладиться моей беспомощностью, прежде чем разорвать в клочья.

Глупо, конечно, но следовало хотя бы попытаться бежать. Но только от одной лишь мысли повернуться спиной к твари, с которой ошметками спадала человеческая личина, обнажая истинную омерзительную ипостась, становилось невыносимо жутко. Ноги ни в какую не желали слушаться.

И я продолжала трусливо пятиться, ощущая, как от страха немеет тело и слезы обжигают глаза. Где-то глубоко внутри теплилась надежда, что Моран, аки бесстрашный рыцарь,

примчится меня спасать. Успеет.

Но он не успел... Зацепившись за корень кряжистого дуба, укрытый жухлой листвой, оступилась и бесславно упала на землю. Последнее, что увидела, – как тварь, истошно взвизгнув, наверное, таким образом выражая восторг и предвкушая победу, метнулась в мою сторону.

Зажмурилась, прощаясь с жизнью, понимая, что спасения от демона мне уже точно не будет, и услышала, как радостный визг сменился яростным рыком. Грудь в том месте, где кулон касался кожи, обожгло, словно раскаленным железом. А в следующее мгновение я чуть не ослепла и была вынуждена прикрыть глаза рукой: сноп света вырвался из заключенного в золотую оправу камня, накрыв меня мерцающим куполом.

Исчадие мглы выгнулось, запрокинув голову. Послав в небо воинственный клич, снова бросилось в мою сторону и снова с шипением отскочило обратно, врезавшись в магическую преграду. Тут уж к его воплям присоединилась и я – завизжала что есть мочи, чувствуя, что еще немного, и сердце в груди разорвется в клочья, просто не выдержит этого кошмара.

Окончательно избавившись от человеческой личины, демон с остервенением бился о так раздражавшее его препятствие, и мне все казалось, что купол вот-вот даст трещину, а потом и вовсе осыплется на землю серебряной пылью. Каждый раз, когда острые когти царапали хрупкую на вид защи-

ту и проносились в опасной близости от моего лица, я вздрагивала, но не решалась сдвинуться с места. Вдруг от одного неосторожного движения магия рассеется, и тогда уже ничто меня не спасет.

Тварь с отчаянным упорством продолжала таранить купол своими бараньими рогами, пыталась дотянуться до меня острыми когтями, угрожающе скалилась и хищником кружила возле моего укрытия, при этом издавая душераздирающие звуки. Кричала, рычала, шипела и фыркала, захлебываясь слюной, от которой трава вокруг чудо-клетки уже успела истлеть, обнажив черную землю.

Я сжалась в комок, заметив, как демон готовится к новому приступу... и взвизгнула, только теперь от радости.

На гребне холма на белоснежном коне показался всадник. Он что-то выкрикнул, но я не расслышала его слов, и прищпорил своего скакуна. Прежде чем демон успел сообразить, кто явился по его душу, огненная плеть, выпущенная стражем, обвилась вокруг мощной шеи твари.

Та захрипела, в отчаянии полоснула по горлу когтями, пытаясь освободиться от неожиданных пут. Но не успела обернуться, чтобы отразить новую атаку: созданный из пламени жгут стреножил чудовище, с силой опрокинув на землю. Однако демону и на сей раз удалось высвободиться.

К счастью, короткой заминки Адриену оказалось достаточно, чтобы загородить меня собой. Спешившись, страж на миг обернулся. В его глазах чернела тьма. Та самая, что ми-

нуту назад была во взгляде демона.

Тварь приникла к земле, готовая напасть на моего заступника. Зашипела от боли, когда страж метнул в нее огненное копьё, оставив на покрытой шерстью груди глубокую борозду, и рванулась в его сторону. В воздухе запахло гнилой плотью. Я прижала ладони к губам, силясь подавить крик ужаса. Адриен успел уклониться в последний момент, пригнувшись, откатился в сторону. Иначе бы ядовитые клыки сомкнулись на его шее.

Несмотря на немалые габариты, демон двигался легко и стремительно. Вот он только что был у ручья, а в следующее мгновение уже оказывался за спиной стража. Впрочем, де Грамону ловкости тоже было не занимать. В каждом его движении, каждом шаге чувствовалась уверенность и сила опытного воина. А еще неудержимая ярость. Она концентрировалась вокруг стража и беснующегося чудовища, отравляя сам воздух, не давая дышать.

Несмотря на многочисленные раны, демон по-прежнему был силен и не желал сдаваться. Зато маг быстро слабел, теперь уже не нападал, а только оборонялся. Быть может, причиной тому была глубокая рана на руке стража, оставленная когтями треклятой твари. На светлом камзоле, вернее, на том, что от него осталось, расплывались багровые пятна.

– Адриен! – в испуге закричала я, увидев, как демон, метнувшись к кряжистому дереву, клонившему свои тяжелые ветви к сверкающей глади ручья, с молниеносной скоростью

вскарабкался по широкому стволу. Оттолкнувшись, полетел на стража, готовый пронзить его своими перепачканными в крови когтями.

Ловкость на этот раз изменила моему спасителю. Адриен замешкался лишь на долю секунды, и это могло стоить ему жизни. Кажется, он даже не успел понять, что произошло. Да и я не сразу заметила появление второго стража.

Де Шалон сделал короткий пасс рукой, и воздушная стихия подбросила монстра высоко в небо... а приземлился он уже разорванным на куски.

– А поаккуратнее было нельзя? – проворчал де Грамон, стаскивая со светлой шевелюры окровавленную конечность демона.

Другая упала к моим ногам. И это для меня стало последней каплей. Краски смешались, а с ними и звуки – кажется, Моран звал меня по имени. А может, просто звенело в ушах...

Ощутила прикосновения мессира маркиза, бережно поднявшего меня с земли, и уплыла в долгожданное небытие.

В себя пришла уже во дворце, под чутким надзором родных. Мама сидела в изголовье кровати и с такой силой сжимала мою руку, что, когда я очнулась, не чувствовала пальцев. Папа нервно мерил комнату шагами и то и дело косил взглядом в сторону кровати, а близняшки о чем-то тихонько переговаривались.

– Деточка моя! – завидев, что я начала подавать признаки жизни, маменька тоже ожила. Принялась душить меня в крепких материнских объятиях – очевидно, решила доделать то, что не удалось демону.

– Ксандра, милая, как ты себя чувствуешь? – поспешил ко мне отец.

Я молчала, не зная, что сказать. Физически я, может, и не пострадала. Но стереть из памяти пережитый кошмар, увы, мне не по силам. Боюсь, он еще долго будет преследовать меня во снах, отравлять страхом воспоминания.

– Это все из-за стража! – неожиданно воскликнул отец, и в его голосе, обычно таком спокойном и мягком, сейчас отчетливо звучали гневные нотки. – Ничего хорошего не выйдет из этого брака, – проворчал барон, опускаясь на край кровати. – Изю дня в день маркиз подвергает свою жизнь опасности, не хочу, чтобы ты жила в вечном страхе. Тем более не хватало, чтобы тебя постигла участь твоей кухни Серен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.